
947
P 820
947
P 820

Изданіе С. Б. Синани.

ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКІЕ РАБОТНИКИ.

Разсказы о русскихъ людяхъ.

Составилъ Н. Рубакинъ.

КНИЖКА I.

1. Храбрый казакъ Семенъ Дежневъ.
2. Тульскіе кузнецы Никита и Акинфій Демидовы.
3. Механикъ-самоучка Кулибинъ.
4. Курскій мѣщанинъ Семеновъ, астрономъ-самоучка.
5. Купеческій сынъ Өедоръ Волковъ, устроитель перваго народнаго театра.
6. Сочинитель пѣсенъ, прасолъ Алексѣй Кольцовъ.

СИМФЕРОПОЛЬ.
Типографія С. Б. Синани.
1903.

Дозволено цензурою.—С.-Петербургъ, 19 Августа 1902 г.

I.

Храбрый сибирскій казакъ Семенъ Дежневъ.

Лѣтъ триста съ небольшимъ тому назадъ, пришли въ Москву, къ грозному царю Ивану Васильевичу, посланные отъ казацкаго атамана Ермака, и били ему челомъ отъ имени пославшаго ихъ атамана.

Разсказали эти посланные, что они казаки, а по просту сказать, бѣглые, гулящіе люди; что когда-то они занимались хлѣбопашествомъ, жили счастливо, а потомъ отъ нужды да отъ бѣдности, да отъ всякихъ напастей убѣжали на Волгу, на «вольное житье», иначе говоря, стали разбойничать.

Разсказали они потомъ, что и на Волгѣ имъ въ этомъ дѣлѣ не посчастливилось,—разгромили ихъ царскіе воеводы, а послѣ того Ермакъ «со товарищами» нанялся служить богатымъ купцамъ Строгановымъ, которые свили себѣ гнѣздо по близости Уральскихъ горъ,—торговали и воевали, и товаръ выгодно продавали и обмѣнивали, и ясакъ (подать) собирали съ дикарей. Разсказали еще посланные, что ходилъ Ермакъ со товарищами за Уральскія горы и погромилъ тамъ царство Сибирское, и покорилъ это царство царству Русскому....

Великая радость была отъ этого на Москвѣ. И пошелъ съ тѣхъ поръ говоръ по всей Руси, что Ермакъ покорилъ, завоевалъ Сибирь. И въ лѣтописи такъ было записано, и въ другія книги занесено. И прославили Ермака какъ великаго русскаго завоевателя.

И правда, великое дѣло сдѣлалъ Ермакъ со товарищами. Не мало нужно было храбрости, чтобы пуститься съ малымъ числомъ людей и плохими запасами и оружіемъ, въ дикую, невѣдомую и враждебную страну; не даромъ онъ тамъ и голову свою сложилъ. А все-же покореніе Сибири—не Ермаково дѣло.

Ермакъ дальше нынѣшней Тобольской губерніи не ходилъ; онъ даже и ея не исходилъ,—а она велика и тянется отъ самаго Ледовитаго моря до песчаныхъ степей. Ермакъ только первую дорожку проложилъ за Уральскія горы, и по этой дорожкѣ двинулись за нимъ цѣлыя толпы русскихъ людей.

Шли по ней купцы и торговцы разные «за прибылью и корыстью». Шли воеводы царскіе съ войскомъ, за ясакомъ въ пользу государевой казны. Шли буйныя головушки-казаки, и донскіе и волжскіе, разудалые молодцы, желавшіе развернуться пошире,—и удаль свою и силушку показать. По эту сторону Уральскихъ горъ показывать ее уже нельзя было. Шла по той же дорожкѣ, проложенной Ермакомъ за Уральскія горы, и голь кабацкая, нищета перекатная, забитые да обездоленные да загнанные люди и, все-же алчущіе и жаждущіе жить по человѣчески, своимъ домкомъ да уголкомъ. Двинулись за Уралъ хлѣбопашцы, мужики русскіе, разбрелись, разсѣялись, землю расчистили, пахать ее начали, перенесли свое житье россійское за горы Уральскія.

Не такъ страшенъ былъ дикимъ народамъ сибирскимъ—остякамъ да татарамъ и другимъ—Ермакъ и его товарищи, какъ страшны были тѣ толпы русскихъ людей, которыя за ними пошли. Съ Ермакомъ остяки да татары кое какъ справились и его убили, а съ русскимъ народомъ они ужъ справиться не могли: одну толпу русскихъ перебьютъ, а за этой толпой ужъ десять другихъ пришли; ихъ не стало—а за ними ужъ новыя стоятъ.

Вотъ эти то толпы, иначе сказать русскій народъ, и покорили Сибирь.

Дальше да дальше надвигался онъ въ дебри сибирскія. Послѣ смерти Ермака прошло лѣтъ 60,—и за это время русскіе люди прошли почти всю Сибирь, отъ Уральскихъ горъ до Великаго океана, то есть безъ малаго семь тысячъ верстъ.

Прошли и покорили ее.

Покорялъ Сибирь не одинъ герой, а великое множество героевъ. Прославились немногіе герои, а забыто великое множество ихъ.

А что это были за герои? Что они дѣлали? Объ этомъ поразсказать стоитъ, хотя бы коротко.

Покореніе Сибири всегда велось такъ: впереди шли казаки, буйныя головы, а съ ними промышленники, торговцы; а позади нихъ—мужики-землепашцы. Казаки никакого жалованья не получали, а служили съ «травы и бороды», какъ говорилось въ тѣ времена, иначе сказать, добывали добычу и себѣ, и государю. Казаки приходили къ дикарямъ, владѣльцамъ Сибирской земли, и говорили имъ: «Мы сильнѣе васъ. Отдайте намъ вашу землю, вашъ скотъ, подчинитесь намъ, платите намъ ясакъ золотомъ или дорогими мѣхами». Купцы же мѣняли эти мѣха на водку или на иное что. Казаки хлопотали за царя, торговцы—для себя.

Среди этихъ-то казаковъ и были люди, которые куда больше Ермака чести заслуживаютъ.

Казакъ Семенъ Ивановичъ Дежневъ—одинъ изъ такихъ людей.

Жилъ онъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Родомъ онъ былъ изъ Великаго Устюга (нынѣ Вологодской губерніи). Человѣкъ онъ былъ крѣпкій и сильный, умный и храбрый. «Силушка по жилушкамъ у него живчикомъ переливалась», какъ поется въ пѣснѣ. Въ Устюгѣ ему развернуться было негдѣ,—мѣсто глухое, сонное. А удали было много, силищи—дѣвать некуда. Жизнь была недорога. Многіе устюжане ходили въ тѣ времена въ Сибирь,—счастья искать. Пошелъ и Дежневъ въ Тобольскъ. Пожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ—не понравилось: тоже развернуться нельзя. Пошелъ дальше въ Сибирь—въ Енисейскъ. И тамъ вышло то же. Пошелъ еще дальше, къ тому краю Сибири, въ Якутскій острогъ. Острогами назывались въ тѣ времена небольшія крѣпости (а не тюрьмы).

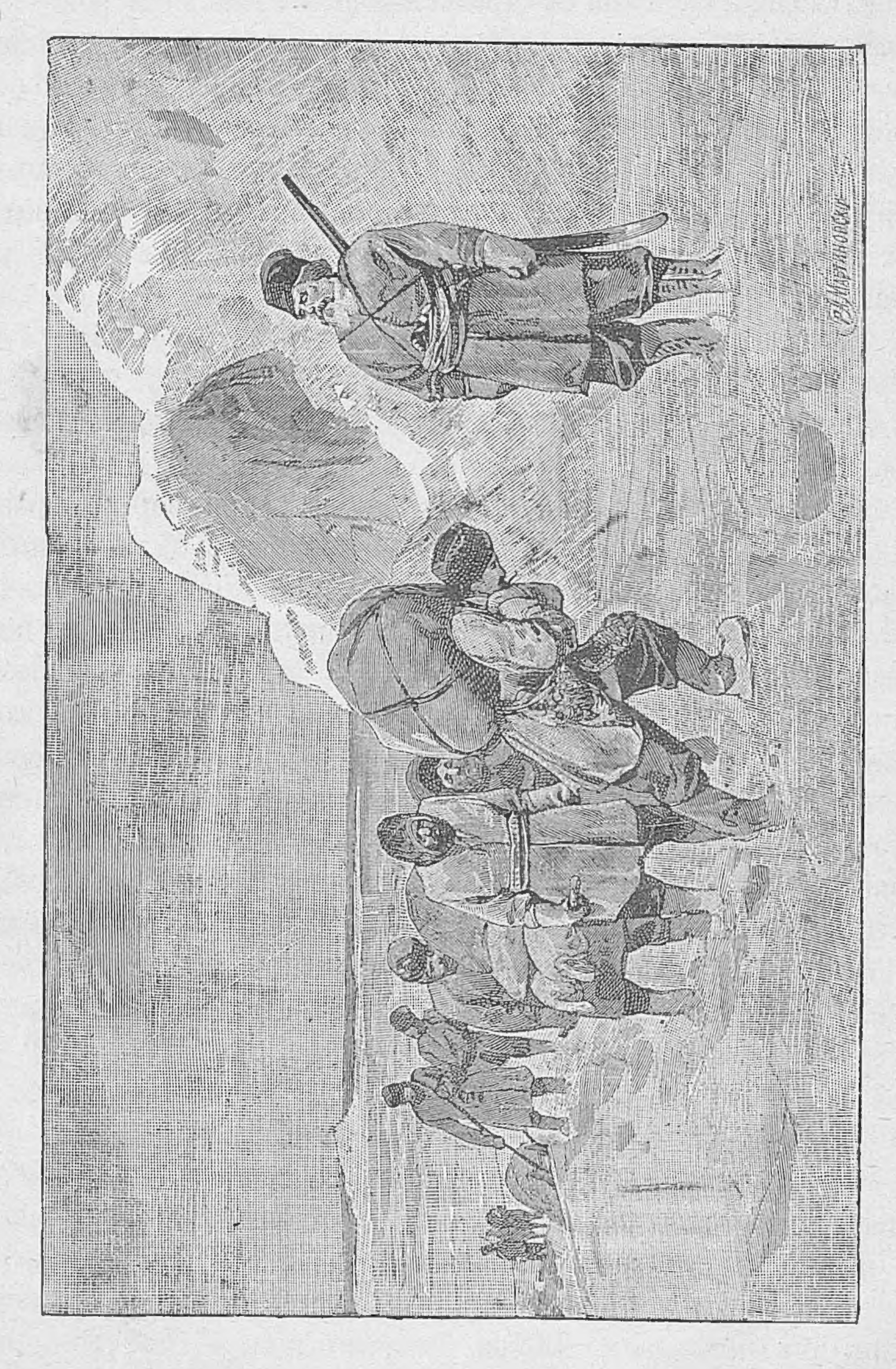
Это было въ 1638 году.

Тогда русскіе подвинулись уже до Якутской земли.

Якуты—народъ очень дикій; съ ними то и дѣло приходилось воевать; земля ихъ бѣдная, холодная, непривѣтливая. Но и съ нея собирали ясакъ для государевой казны.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ прожилъ здѣсь Дежневъ. Военная жизнь ему нравилась. Война была по душѣ. На войнѣ онъ самъ одичалъ и закалился. Девять разъ онъ былъ тяжело раненъ. Это было для него нипочемъ. Почуялъ въ себѣ Деж-

невъ силу еще того больше, чѣмъ прежде, и рѣшилъ идти на какія нибудь новыя мѣста,—еще дальше въ Сибирь. Вѣдь за нею, можетъ быть, есть другія страны,—а если въ нихъ по-

Семенъ Дежневъ и его товарищи въ Сибирской пустынѣ.

искать, то что-нибудь найдется тамъ и для купцовъ и для государевой казны.

Сталъ и Дежневъ искать странъ и земель и богатствъ неизвѣданныхъ.

А искать ихъ—это значило то-же, что терпѣть голодъ, холодъ и иныя опасности и драться смертнымъ боемъ съ чужими и со своими: съ чужими—потому что и дикари свою землю и свое добро не отдаютъ даромъ. А со своими—потому, что на одинъ и тотъ-же кусокъ или на одно и тоже добро, отнятые у дикарей, всегда есть нѣсколько охотниковъ изъ торговцевъ.

Житье на окраинахъ русской земли было тогда боевое, опасное. А Дежневу только этого было и нужно. А въ тѣхъ мѣстахъ только и нужны были такіе люди, какъ онъ. Всякія страданія Дежневъ умѣлъ переносить. Онъ съ якутами воевалъ, раны получалъ, ясакъ добывалъ. Онъ самъ о себѣ разсказывалъ, что «въ Якутской землѣ онъ многіе годы всякую нужду терпѣлъ,—и сосновую и лиственную кору отъ голодухи ѣлъ, головы своей не жалѣлъ, раны великія принималъ и помиралъ голодной смертью».

Скоро сдѣлался онъ тамъ «приказнымъ» или «начальнымъ человѣкомъ».

А воевать приходилось такъ: одинъ казакъ противъ пяти дикарей.

Однажды Дежневу пришлось отбиваться въ чистомъ полѣ противъ цѣлой толпы якутовъ. Казаковъ было четверо, а дикарей—сорокъ человѣкъ. Зато у казаковъ были ружья, а у дикарей только стрѣлы. Дежневъ былъ тутъ два раза раненъ въ ногу. Но раны были ему нипочемъ. Кое какъ отбились казаки и казну государеву сохранили въ цѣлости.

Въ другой разъ якуты перестрѣляли у Дежнева всѣхъ лошадей. Тащиться тысячи верстъ пѣшкомъ по дикой пустынѣ было невозможно, а «соболиную казну» тащить на своихъ плечахъ—и подавно. Къ счастью тутъ другіе якуты выручили. Построили они Дежневу большую лодку или «кочь». Тотъ поплылъ на ней сначала въ Студеное море или, иначе сказать, Ледовитый океанъ, а оттуда вверхъ по какой-то рѣкѣ—къ своимъ.

Такъ и познакомился впервые Дежневъ съ Ледовитымъ океаномъ.

Море это грозное—и холодное, и бурливое, и почти цѣлый годъ покрыто льдомъ. Даже лѣтомъ плаваютъ по этому морю высокія ледяныя горы—иная гора саженъ тридцать въ высоту. Берега Ледовитаго моря—берега дикіе, почти необитаемые. По берегамъ этого моря и по самому морю Дежневъ не разъ странствовалъ и воевалъ, и разъ пять или шесть бывалъ раненъ, но еще никогда онъ по нему не плавалъ.

Въ Ледовитый океанъ русскіе торговцы плавали затѣмъ, чтобы добывать тамъ моржевую кость. Моржей въ тѣ времена водилось въ Ледовитомъ океанѣ очень много. За ними охотились дикари, которые жили по берегамъ океана. Отъ дикарей отнимали моржевую кость казаки и купцы. Казаки разузнали отъ дикарей, что гдѣ-то далеко, далеко вливается въ океанъ большая рѣка Анадырь, а у этой рѣки моржи водятся въ великомъ множествѣ. Стали ходить слухи среди купцовъ и казаковъ о богатствахъ рѣки Анадыри. Рѣшили русскіе храбрецы и хищники во чтобы-то ни стало добраться до этой рѣки.

Собралось товарищество казаковъ, служилыхъ людей и промышленниковъ. Сложились деньгами и построили лодки и поплыли къ океану, внизъ по Колымѣ-рѣкѣ. Во главѣ товарищей всталъ холмогорецъ Ѳедотъ Алексѣевъ, приказчикъ московскаго купца Усова. Для надзора за государевымъ интересомъ былъ приставленъ казакъ Семенъ Дежневъ.

Плыли, плыли товарищи—добрались до океана—и сразу наткнулись на великое множество плавучаго льда. Весь океанъ, куда ни взгляни, былъ загроможденъ льдомъ. Бились, бились промышленники, и въ концѣ концовъ поневолѣ вернулись назадъ.

Такъ неудачно окончилось второе путешествіе Семена Дежнева по Ледовитому океану.

Но Дежневъ не унывалъ. Черезъ годъ составилось опять товарищество служилыхъ и промышленныхъ людей. Купили новыя лодки. Поплыли снова на рѣку Анадырь,—моржевую кость добывать.

Было то въ 1648 году.

На этотъ разъ совершилъ Дежневъ со товарищами великое дѣло. Онъ проплылъ вдоль всего берега Ледовитаго океана

отъ Колымы рѣки до Берингова пролива, и черезъ этотъ проливъ пробрался въ Великій Океанъ, добрался до береговъ Сибирскихъ, до рѣки Анадырь, а по ней поплылъ вверхъ и такимъ путемъ вернулся къ своимъ.

Такое путешествіе могли совершить только очень сильные и храбрые люди.

До послѣдняго времени никто даже не вѣрилъ, что простыя казацкія лодки могли проплыть вдоль береговъ океана больше двухъ тысячъ верстъ, среди смертельныхъ опасностей. А на самомъ дѣлѣ Дежневъ со товарищами проплыли.

Дѣло было такъ.

Въ 1648 году поплыли 90 человѣкъ въ шести лодкахъ или кочахъ. По Колымѣ рѣкѣ спустились эти лодки въ океанъ. По океану онѣ поплыли на востокъ. Плыли они долго. Страдали много. Хоть лѣто случилось въ томъ году и не очень холодное,—такія тамъ рѣдко бываютъ,—а все же плыть было очень тяжело.

Азія кончается мысомъ, названіе которому Чукотскій носъ. Отъ рѣки Колымы до Чукотскаго носа считается 2000 верстъ. До Дежнева ни одинъ русскій человѣкъ не видалъ этого мыса.

Дежневъ увидѣлъ его и описалъ: «Вышелъ этотъ носъ (т. е. мысъ) въ море гораздо далеко», писалъ Дежневъ. «А лежитъ онъ между сѣверомъ и востокомъ. Противъ этого носа лежатъ острова, а по берегу живутъ дикіе люди чукчи. Чукчей этихъ, разсказывалъ Дежневъ, называютъ зубатыми, потому что они продѣваютъ сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ».

За Азіей начинается Америка. Между Азіей и Америкой есть изъ океана въ океанъ проходъ или проливъ. До Дежнева никто не зналъ и не вѣдалъ объ этомъ проливѣ. Дежневъ первый прошелъ черезъ этотъ проливъ со своими товарищами.

Прошелъ онъ его послѣ многихъ бѣдъ.

Прежде всего отъ Дежневской лодки куда-то отстали и потерялись три лодки съ торговцами. Потомъ у самаго носа разбилась еще одна лодка. Мореплаватели высадились на берегъ, чтобы добыть пищи и прѣсной воды. Только что высадились,—напали на нихъ чукчи. Произошла битва. Въ этой

битвѣ чукчи тяжело ранили промышленника Ѳедота Алексѣева, который считался главою торговыхъ людей. Главное начальство надъ ними и казаками перешло теперь къ Семену Дежневу.

Поплыли лодки дальше. Прошли проливъ. Плыли русскіе люди по этому проливу и не знали, и не вѣдали, какое они дѣло дѣлаютъ. Они открыли проходъ между Азіей и Америкой! Они впервые увидѣли самый восточный конецъ Азіи. А сами мореплаватели и не знали этого, и не понимали. Плыли они вдоль берега, только и всего....

Только прошли проливъ, какъ пропала еще одна лодка. Занесло ее бурей къ пустынному берегу. Люди высадились на берегъ, голодали, терпѣли холодъ. Иные погибли отъ цынги, другихъ перебили дикари.

Погибъ такимъ способомъ и Ѳедотъ Алексѣевъ. Случилось это у береговъ Камчатки. Дикари камчадалы сначала приняли къ себѣ русскихъ очень ласково. Они еще никогда не видали русскихъ людей и не знали, что такое ружья. Тутъ они узнали и очень испугались. Дикари думали, что во власти бѣлыхъ людей—громъ и молнія. Они приняли русскихъ за боговъ. Они думали, что ихъ человѣческая рука не можетъ причинить никакого вреда богу. Но случилось такъ, что русскіе передрались между собой до крови. Камчадалы это замѣтили и поняли, что русскіе не боги, а такіе же люди: у нихъ есть мясо и кровь. Тогда дикари перестали ихъ бояться, напали на нихъ и многихъ убили.

Уже погибло 5 лодокъ и 65 человѣкъ! Въ концѣ концовъ осталась одна та лодка, гдѣ былъ самъ Дежневъ.

А Дежневъ съ 24-мя человѣками всетаки добрался до Анадыри рѣки.

Лодку Дежнева разбило моремъ. Высадились люди на берегъ. Пошли пѣшкомъ. Край вокругъ дикій, безлѣсный, хлѣба нѣтъ. Приближалась зима. Былъ уже октябрь мѣсяцъ. Стояли холода. Идти пришлось по гористымъ мѣстамъ. Люди шли «холодны и голодны, наги, и босы». Шли вдоль рѣки. Человѣческаго жилья нигдѣ не попадалось. А Дежневъ все терпѣлъ и не падалъ духомъ и товарищей ободрялъ. Двѣнадцать человѣкъ отправились за пищей, искать ее гдѣ нибудь.

Бродили двѣнадцать дней. Ни пищи, ни людей не отыскали. Вернулись къ Дежневу голодные. Девять человѣкъ погибло. Построить жилье было не изъ чего—копали ямы и жили въ нихъ. Люди умирали. Умерло еще четыре человѣка. Въ живыхъ теперь осталось всего 12 человѣкъ.

Кое какъ Дежневъ съ товарищами пережилъ зиму. Много страданій выпало на его долю. И ихъ Дежневъ вытерпѣлъ, не упалъ духомъ.

Настала весна, выстроили казаки себѣ лодку. Строили ее изъ лѣса, выброшеннаго рѣкой и моремъ. Сѣли въ лодку, поплыли дальше вверхъ по Анадыри. Тамъ наткнулись на враговъ—дикарей анагуловъ. Съ ними пришлось биться. Въ этой битвѣ дикари тяжело ранили Семена Дежнева.

Казаки думали, что тутъ и конецъ ему. Но богатырь Дежневъ отлежался, выздоровѣлъ.

Двѣнадцать казаковъ покорили дикарей и заставили ихъ платить ясакъ.

Прошелъ еще годъ. Дежневъ выстроилъ на берегу рѣки Анадыри острогъ (крѣпость) и сталъ думу думать, какъ бы вернуться къ своимъ, и какъ бы оттуда получить помощь людьми и воинскими припасами. Казаки ходили изъ крѣпости въ разныя стороны, добирались до океана.

Тутъ нашелъ-таки Дежневъ богатство для себя и для царевой казны—моржевую кость.

Съ этого и начались походы русскихъ казаковъ и купцовъ за Анадырь, за моржевой костью.

На Анадыри Дежневъ устроился на зиму. А зимой пришли къ нему свои, русскіе, на выручку. Принесли и припасы.

На Анадыри Дежневъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, жилъ въ дружбѣ съ дикарями, обижалъ дикарей меньше чѣмъ другіе; оттого дикари все-же любили его.

Послѣ своего большого плаванія Дежневъ прожилъ еще около 20 лѣтъ.

* * *

Дежневъ сдѣлалъ великое дѣло—открылъ проходъ между Азіей и Америкой. Но вышло такъ, что этого великаго дѣла никто и не замѣтилъ: не тѣмъ были заняты тогда рус-

скіе люди, да и темноты было много. Петру Великому пришлось нарочно снаряжать корабли, чтобы тѣ разузнали, гдѣ конецъ Азіи, гдѣ начало Америки. Это большихъ трудовъ и денегъ стоило. А о Дежневскомъ дѣлѣ и не вспомнили. Храбраго казака и его 12 товарищей за то лишь и хвалили, что они нашли моржевую кость!....

Подвиги Дежнева записаны въ старинныхъ грамотахъ. Эти грамоты цѣлы и до сего дня. Лежатъ онѣ теперь среди государственныхъ бумагъ. Эти грамоты писалъ самъ Семенъ Дежневъ. По этимъ грамотамъ всякій можетъ судить и видѣть, что за сильный и храбрый человѣкъ былъ Дежневъ. Силушки было много и развернулась она во всю. Боролся Дежневъ съ природой—съ океанами, пустынями и горами, съ лѣсами и льдинами, боролся и съ голодомъ, боролся и съ холодомъ. Боролся Дежневъ и съ людьми, съ дикарями-чукчами и своими русскими. Много онъ вытерпѣлъ, многое перенесъ.

А чего ради были перенесены эти всѣ страданія, бѣды и напасти? Для того ли, чтобы людямъ лучше, счастливѣе жилось на землѣ? Нѣтъ, не для того! Или для того, можетъ быть, чтобы правды прибавилось на землѣ и чтобы умъ прояснился, душа возвеличилась, свѣту стало больше? Тоже не для того.

Не заботился Дежневъ о счастьѣ человѣческомъ, не жалѣлъ другихъ, не жалѣлъ и себя. Онъ самъ не зналъ, для чего живетъ. Не зналъ и того, для чего бьется и страдаетъ. Силушки было много, силушку нужно было куда нибудь дѣвать. Нужно было ей гдѣ нибудь развернуться. Въ старинной пѣснѣ поется:

„Эхъ, еслибъ моя силушка да людямъ послужила!
Еслибы отъ силушки да больше проку было!“

Вся жизнь Дежнева ушла на добыванье ясака злата, да моржевой кости. Только и всего.

II.

Тульскіе кузнецы Никита и Акинфій Демидовы.

Было то лѣтъ двѣсти тому назадъ. Царствовалъ тогда на Руси славный русскій государь Петръ I Алексѣевичъ, названный за свою работу на пользу русскаго народа Великимъ.

Петръ Великій былъ человѣкъ очень умный, настойчивый, до всего доходилъ самъ, работы не боялся, на другихъ не полагался, умѣлъ и государствомъ управлять, и плотничать, и столярничать, и воевать; для Россіи и русскаго народа онъ ни трудовъ своихъ, ни жизни своей не жалѣлъ, во все вникалъ и людей цѣнилъ не по чину и званію, а по заслугамъ.

Въ 1696 году ѣхалъ Петръ Великій черезъ Тулу. Уже въ тѣ времена Тула славилась своими кузнецами. Кузнечнымъ ремесломъ занималось тогда не мало народу. Это ремесло давало заработокъ крестьянству на подмогу хлѣбопашеству. Кузнецы тульскіе добывали изъ руды желѣзо, а изъ желѣза ковали разныя вещи. Для такого дѣла были построены близь Тулы маленькіе заводики или «кузницы». Тогдашніе заводы не были похожи на теперешніе. Добывать руду тогда русскіе совсѣмъ почти не умѣли, обрабатывали ее плохо; много силы и времени приходилось имъ тратить зря, безъ пользы для дѣла. Не было у нихъ знаній, не было умѣнья; не было искусныхъ мастеровъ, у которыхъ можно бы было поучиться. Не было школъ. Не было книгъ. Только то и знали, что у дѣдовъ переняли или до чего своимъ умомъ дошли. А доходить до всего своимъ умомъ, безъ помощи другихъ людей и книгъ,—не всякій человѣкъ можетъ, а кто и можетъ, тотъ доходитъ медленно и очень понемногу.

Отъ всѣхъ такихъ недостатковъ была большая бѣда русскому царству, и помочь этой бѣдѣ было куда не легко. Петръ Великій изо всѣхъ силъ старался насадить въ Россіи разныя науки и мастерства, заводилъ школы, выписывалъ изъ заграницы знающихъ людей. Онъ и самъ ѣздилъ заграницу, чтобы поучиться уму-разуму у иностранцевъ. Онъ ѣздилъ много разъ и по Россіи, чтобы своими глазами узнать, какъ живется людямъ въ его царствѣ, и чѣмъ бы имъ помочь. Онъ

присматривался къ разному люду и подмѣчалъ умныхъ и способныхъ людей, которые могли-бы помочь лучшему устроенію всей русской земли, кто въ какомъ дѣлѣ можетъ.

Вотъ и пріѣхалъ Петръ въ Тулу. Какъ разъ у него въ это время сломался отличный пистолетъ, привезенный ему изъ заграницы. Сталъ Петръ спрашивать у своихъ приближенныхъ, нѣтъ ли въ Тулѣ такого искуснаго кузнеца, который могъ бы починить этотъ пистолетъ.

— Есть тутъ кузнецъ—Никита Демидычъ,—сказали ему. Человѣкъ онъ толковый, въ своемъ дѣлѣ искусный.

Никита Демидовъ былъ крестьянинъ родомъ; отецъ его землю пахалъ. У него была земля въ деревнѣ Павшиной, недалеко отъ Тулы; потомъ онъ землю бросилъ, переселился въ Тулу, сталъ кузнечить. Этому ремеслу онъ научилъ и сына своего Никиту, и внука своего, Акинфія. Кузнецы вышли изъ нихъ хорошіе, ловкіе, но жили они въ бѣдности и въ нуждѣ, получали по одному алтыну въ недѣлю.

Царь отдалъ Никитѣ Демидову пистолетъ на починку.

Кузнецъ Демидычъ хоть и долго держалъ его у себя, а все-же исправилъ какъ слѣдуетъ. Приноситъ царю, показываетъ.

— Жалко,—говоритъ ему царь,—что у насъ своихъ мастеровъ такихъ нѣтъ, которые бы смогли такіе же пистолеты дѣлать!

— И мы, царь, противъ нѣмца постоимъ!—сказалъ царю Никита.

Какъ только услыхалъ эти слова Петръ, страшно разсердился. Онъ отлично зналъ, что у нѣмцевъ куда больше и книгъ и школъ, и знающихъ, искусныхъ людей; онъ отлично понималъ, что только тотъ русскій человѣкъ и смѣетъ величаться передъ нѣмцами, кто своего собственнаго невѣжества не сознаетъ и не понимаетъ, а это непониманіе да самодовольство, да самовеличаніе передъ другими народами сильно и сильно мѣшаетъ просвѣщенію.

Царь Петръ не любилъ бахваловъ. Отъ словъ Демидыча онъ вскипѣлъ и съ размаху ударилъ старика по лицу. Время было тогда такое, что зуботычина считалась еще ни во что.

— Ты, дуракъ, сначала сдѣлай, а потомъ хвались!—закричалъ Петръ.

— А ты, царь, сначала узнай, а потомъ дерись! отвѣчалъ Петру съ большимъ достоинствомъ Демидычъ.

И при этихъ словахъ онъ вынулъ изъ подъ полы новый пистолетъ своей собственной работы.

За короткое время Демидычъ не только царскій пистолетъ починилъ, а и свой сдѣлалъ.

Новый пистолетъ былъ сдѣланъ хорошо и очень понравился царю. Петру стало стыдно передъ кузнецомъ, что онъ ударилъ его въ запальчивости. А кузнецу стало стыдно того, что онъ зря похвалился передъ нѣмцами: вѣдь нѣмцы-то сами придумали такіе пистолеты, а онъ, Демидычъ, только по ихъ образцу дѣлалъ.

Но Петръ сразу оцѣнилъ Демидыча и уразумѣлъ, что тульскій кузнецъ можетъ принести пользу государству.

Тогда была ужъ близка война со шведами. Петру нужны были ружья для солдатъ. Ружья выписывались изъ заграницы. За нихъ казна платила рублей 12—15 за штуку. Демидычъ сдѣлалъ 6 ружей по заграничному образцу, отвезъ царю и сказалъ ему, что такія ружья онъ можетъ дѣлать по 1 рублю 80 копѣекъ за штуку. Царь обрадовался, что отыскалъ такого диковеннаго кузнеца, поцѣловалъ Никиту, подарилъ ему сто рублей и сказалъ:

— Постарайся, Демидычъ,—я тоже не оставлю тебя!

Такъ и вышло: Демидычъ постарался, а царь его не оставилъ. Велѣлъ онъ отвести Демидову въ 12 верстахъ отъ Тулы, въ Малиновой засѣкѣ, землю. На этой землѣ было много желѣзной руды. Выстроилъ Демидовъ на этой землѣ, на устьѣ рѣки Тулицы, большой желѣзный заводъ, съ вододѣйствующими машинами, и сталъ дѣлать ружья и разные военные снаряды, и все по дешевой цѣнѣ. Царь все ему землю даромъ прирѣзывалъ да прирѣзывалъ. А Демидычъ все работалъ да работалъ—и себя не забывалъ. Онъ былъ человѣкъ очень упорный, работящій и себѣ на умѣ. Смекалка у него была хорошая. Онъ самъ работалъ безъ устали, да и отъ другихъ того-же требовалъ. Рука у него была крѣпкая, а другихъ людей онъ не умѣлъ жалѣть.

Въ это время одинъ царскій воевода открылъ хорошую желѣзную руду на Уральскихъ горахъ,—тѣхъ самымъ горахъ,

которыя отдѣляютъ, словно стѣна, Русь отъ Сибири. Царь Петръ послалъ эту руду Демидычу на пробу. Испробовалъ руду Демидычъ и рѣшилъ, что она не хуже шведской и куда

Никита и Акинфій Демидовы передъ царемъ Петромъ.

лучше тульской. И рѣшилъ онъ попытать счастія—изъ Тулы перебраться со своимъ заводомъ на Уралъ.

Взялъ онъ своего сына Акинфія и поѣхалъ съ нимъ прямо

въ Москву, къ царю. Оба кузнеца были въ простыхъ кузнецкихъ «кожанахъ», чтобы видно было, что они настоящіе трудовые люди, а такихъ людей Петръ любилъ и уважалъ, потому что самъ былъ работникъ.

Стали кузнецы-заводчики просить у царя, чтобы онъ отдалъ имъ Невьянскіе заводы на Уралѣ, а тогда ужъ они послужатъ государственному дѣлу *).

Долго ли, коротко ли думалъ царь, а согласился на просьбу кузнецовъ,—отдалъ имъ навсегда, за пустяшное вознагражденіе казнѣ, богатѣйшія мѣста, гдѣ добывается руда. Отдалъ заводы Невьянскіе. Отдалъ сотни тысячъ десятинъ земли, заросшей лѣсомъ, которому и цѣны нѣтъ. Отдалъ цѣлую гору высокую, которая вся изъ желѣзной руды—этой горѣ тоже цѣны нѣтъ. Тогда же царь дозволилъ Демидовымъ покупать для заводовъ людей и отводить имъ землю.

Какъ извѣстно, тогда времена были крѣпостныя; людей можно было покупать и продавать. Сначала это дозволено было только дворянамъ-помѣщикамъ. Царь дозволилъ это и заводчикамъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи Демидовы накупили многое множество крестьянъ; покупали цѣлыми деревнями, переселяли на Уралъ, приписывали ихъ къ заводамъ.

Такъ и началось великое богатство Демидовыхъ, которымъ теперь на Руси и равныхъ нѣтъ по богатству.

Тульскіе кузнецы-мужики отлично съумѣли за дѣло взяться. И они были нужны казнѣ, и казна имъ. Казнѣ нужны были знающіе, предпріимчивые люди, а Никита и Акинфій Демидовы умѣли ковать желѣзо, пока оно горячо, и наживать деньгу.

Они однимъ лишь ухомъ слышали наставленія царя.

А царь далъ имъ такую грамоту, гдѣ увѣщевалъ заводчиковъ «не навлекать на себя правыхъ слезъ и обидныхъ воздыханій, что передъ Господомъ грѣхъ непростительный».— «Памятовать тебѣ, Демидову,» говорилось въ этой грамотѣ, что тебѣ такіе заводы и руды отданы, какихъ во всей вселенной лучше нѣтъ. А при заводахъ—лѣса, земли, хлѣба, живности». Та-же грамота давала Демидовымъ право «наказывать лѣнивыхъ заводскихъ людей». Воеводамъ Петръ приказывалъ, подъ

*) Невьянскіе заводы въ 83 верстахъ отъ нынѣшняго Екатеринбурга.

страхомъ грозныхъ каръ, не вмѣшиваться въ заводскія дѣла.

Въ 1703 году уральскіе заводы Демидовыхъ такъ разрослись, что приписанныхъ къ нимъ крестьянъ, оказалось уже недостаточно: рабочихъ требовалось больше. Кузнецы опять стали просить царя, и тотъ приказалъ приписать къ нимъ на работу еще двѣ волости, да монастырское село съ деревнями въ Верхотурскомъ уѣздѣ, со всѣми крестьянами и угодьями.

Быстро росли и все больше процвѣтали уральскіе Демидовскіе заводы. На ихъ товары спросъ былъ большой. Ихъ товаръ покупала вся Россія, а больше всего казна. Продавался товаръ съ большой выгодой, за хорошія деньги, а себѣ стоилъ дешево. Такъ позволяли обстоятельства: крестьяне, приписанные къ заводамъ, должны были работать даромъ, какъ бы вмѣсто оброка.

Акинфій Демидовъ.

Тульскимъ заводомъ управлялъ старикъ отецъ, Никита Демидовъ, а уральскимъ—его сынъ, Акинфій, человѣкъ сильный, предпріимчивый, крѣпкій.

До сихъ поръ стоитъ на Невьянскомъ заводѣ домъ, построенный тульскими кузнецами для себя. Весь этотъ домъ сдѣланъ изъ дуба, камня и желѣза. Онъ больше похожъ на крѣпость, чѣмъ на домъ: стѣны толстыя, окна узкія. Комната, гдѣ живалъ Никита, когда пріѣзжалъ въ Невьянскъ, устроена была особымъ способомъ: въ этой комнатѣ было слышно все, что говорилось въ домѣ.

Старикъ Никита былъ нрава крутого и самъ любилъ подслушивать, что о немъ говорятъ его люди. Всѣхъ, кто говорилъ о немъ плохо, онъ наказывалъ. А сынъ его, Акинфій, былъ еще того круче. Онъ построилъ въ Невьянскѣ высокую башню, въ 28 саженъ высотой. Подъ башней есть кладовыя и подземелья со многими тайными ходами. Въ этихъ подземельяхъ Акинфій устроилъ застѣнокъ, гдѣ пыталъ подозрѣваемыхъ и виноватыхъ. Пыталъ всячески,—огнемъ, водой и

желѣзомъ. Здѣсь же была и тюрьма для осужденныхъ. Старожилы говорятъ, что здѣсь людей замуровывали и держали всю жизнь въ цѣпяхъ и колодкахъ. А бывало и такъ, что въ подземелья Акинфій пряталъ бѣглыхъ людей, которые тоже работали у него на заводахъ. Это было выгодно, потому что рабочія руки были очень нужны, а бѣглые работали почти за-даромъ,—только бы прожить кое какъ. Иногда на заводы наѣзжали казенные чиновники,—разыскивать бѣглыхъ. Тогда бѣглыхъ прятали по подваламъ, а туда, какъ говорятъ уральскія преданія, впускали воду изъ шлюзовъ.

Вышелъ такой законъ, что кто гдѣ откроетъ руду,—за тѣмъ это мѣсто и остается въ вѣчное владѣніе. Акинфій Демидовъ разослалъ своихъ людей по Уральскимъ горамъ и по Сибири, и открылъ много такихъ мѣстъ, гдѣ добывается и мѣдь, и желѣзо, и золото, и серебро. Завелъ свои заводы Акинфій и далеко за Ураломъ, въ нынѣшней Томской губерніи, въ Алтайскихъ горахъ. Тамъ онъ открылъ богатые серебряные рудники, и началъ первый плавить въ Россіи мѣдь.

Акинфій то и дѣло начиналъ развѣдки въ разныхъ мѣстахъ Урала и строилъ одинъ заводъ за другимъ. На своемъ вѣку онъ открылъ много рудныхъ мѣсторожденій, устроилъ много рудниковъ, построилъ нѣсколько желѣзодѣлательныхъ, чугуноплавильныхъ и другихъ заводовъ, иные очень большіе. Имъ построенъ, напримѣръ, Нижне-Тагильскій заводъ. Рудное дѣло прочно стало съ тѣхъ поръ на Уралѣ и на Алтайскихъ горахъ, но и богатства Демидовыхъ стали рости не по днямъ, а по часамъ. Въ 1709 году царь пожаловалъ ихъ въ дворяне. Съ богатыми и властными Демидовыми не могли мѣряться другіе уральскіе заводчики: тѣ частенько прогорали, а богатство Демидовыхъ росло да росло. Въ 1715 году Демидовы подарили «на зубокъ» родившемуся царевичу Петру Петровичу 100 тысячъ рублей и много драгоцѣнныхъ вещей и рѣдкихъ сибирскихъ мѣховъ. Еще больше выросло богатство Демидовыхъ въ 1738 году. Въ этомъ году государыня императрица Анна Іоанновна пожаловала Демидовыхъ великой милостью: всѣхъ пришлыхъ, то есть бѣглыхъ людей, которые скрывались и работали на заводахъ у Демидовыхъ, она велѣла записать за ними на-вѣки, да кромѣ того навсегда велѣла

освободить заводскихъ людей отъ рекрутчины. Сразу стало у Демидовыхъ много дешевыхъ рабочихъ рукъ.

Послѣ смерти Акинфія осталось при заводахъ больше 30 тысячъ душъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. Благодаря ихъ труду процвѣтали заводы. Крестьяне Демидовы стали владѣльцами десятковъ тысячъ крестьянъ, которыхъ нужда пригнала на Уралъ. Не всѣ эти люди были крѣпостные. Многіе были тѣже государственные крестьяне, которые отработывали свои подати на заводахъ. Подати эти вносилъ въ казну заводчикъ, а крестьяне работали на него. Конный работникъ получалъ на заводѣ 10 копѣекъ въ день, пѣшій—пятачекъ. Эта плата держалась много десятковъ лѣтъ. Императоръ Петръ Великій укрѣпилъ ее особымъ закономъ въ 1724 году.

Акинфію и этихъ богатствъ было мало: онъ добился того, что ему дали разрѣшеніе закрыть на всѣхъ его заводахъ всѣ казенные кабаки. Эти были закрыты,—появилось великое множество кабаковъ незаконныхъ, и они стали давать большой доходъ Демидовымъ.

Выстроилъ Акинфій по своимъ владѣніямъ крѣпости, сталъ держать въ нихъ своихъ солдатъ съ пушками; онъ даже и монету чеканилъ самъ. Теперь у него были десятки заводовъ, милліоны десятинъ земли, десятки тысячъ душъ крестьянъ. На заводы было выписано много ученыхъ нѣмцевъ, и тѣ много помогли успѣхамъ руднаго дѣла на Руси.

Разбогатѣвши, Демидовы зазнались. Они стали дѣлать у себя что хотѣли. Царь послалъ особаго чиновника—разслѣдовать ихъ дѣла. Чиновникъ писалъ царю: «Демидовъ—мужикъ упрямъ. Ему не очень мило, что вашего величества, (т. е. казенные) заводы тоже станутъ цвѣсти на Уралѣ. Онъ норовитъ больше желѣза запродавать, а цѣну получить какую захочетъ».

Умеръ, наконецъ, старый Никита Демидовъ. Былъ онъ мужикомъ, сталъ дворяниномъ. Въ молодости онъ получалъ три алтына въ недѣлю, а въ старости имѣлъ чистаго дохода больше тысячи рублей въ день. Его сынъ, Акинфій, заступилъ его мѣсто и повелъ дѣло еще круче. Богатства у него стали расти еще скорѣй, чѣмъ у Никиты. И забылъ Никита свое прежнее мужицкое званіе. Сталъ онъ теперь «дѣйствительный

статскій совѣтникъ и кавалеръ», сталъ носить французскіе кафтаны моднаго покроя. Старикъ Никита былъ суровъ, а Акинфій сталъ еще суровѣе. Ему хотѣлось имѣть все больше да больше богатства. Однажды онъ придумалъ такой способъ еще больше разбогатѣть: предложилъ онъ казнѣ, что будетъ уплачивать ей отъ себя всю подушную подать за всю Россійскую имперію, а за это казна должна уступить ему всѣ солеварни, какія есть въ Россіи, и позволить продавать соль подороже. Думали, думали въ казнѣ и рѣшили, что такое дѣло для нихъ невыгодно. Такъ оно и не устроилось.

Акинфій былъ человѣкъ очень гордый, жестокій и властный. Онъ совсѣмъ не умѣлъ жалѣть людей. Много народу онъ погубилъ, многихъ отдалъ на мученія. Никто ничего съ нимъ подѣлать не могъ.

Императрица Елизавета издала для него такой указъ, чтобы ему никто не смѣлъ «чинить обиды, потому что онъ, Демидовъ, въ Нашей протекціи и защитѣ содержится».

*
* *

Демидовы умерли, а ихъ дѣло продолжалось и безъ нихъ. Потомки тульскихъ кузнецовъ иной разъ и на Уралѣ не были, а все жили заграницей и лишь получали со своихъ заводовъ и съ капитала два милліона рублей чистаго дохода въ годъ.

Теперь на Уралѣ не мало и другихъ заводовъ. Каждый годъ добывается тамъ пудовъ шестьсотъ золота, пудовъ триста платины, 160 тысячъ пудовъ мѣди, 33 милліона пудовъ чугуна, 15 милліоновъ пудовъ желѣза, 3 милліона пудовъ стали.

Потомки Демидовыхъ живы и понынѣ. Это первые богачи въ Россіи.

Никита и Акинфій Демидовы, тульскіе мужики-кузнецы,— истинные богатыри земли русской, какъ и казакъ Семенъ Дежневъ. У Демидовыхъ тоже «силушка по жилушкамъ живчикомъ переливалась». И ушла эта силушка на такое дѣло: на увеличеніе богатствъ своихъ собственныхъ. Сильно разбогатѣли Демидовы, хорошо устроили огромные заводы и свою собствен-

ную жизнь, и потомству своему жизнь богатую устроили. Они любили свое отечество и царя-батюшку, а о других людях плохо помнили. И забыли они приказъ великаго Петра, который увѣщевалъ ихъ «не навлекать на себя правыхъ слезъ и обидныхъ воздыханій, что передъ Господомъ грѣхъ непростительный».

III.

Механикъ-самоучка Кулибинъ.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ родился въ 1735 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его былъ мѣщанинъ и торговалъ мукой на базарѣ. Ни въ какой школѣ Кулибинъ не былъ. Грамотѣ выучился у какого-то дьячка, который самъ ничего не зналъ. Учился Кулибинъ по псалтири и часовнику и потому потерялъ въ такомъ ученьѣ много времени и труда.

Выучившись читать, писать и считать по счетамъ, Кулибинъ поступилъ въ лавку къ отцу. Но сейчасъ-же стало видно, что «Ванька—торговецъ плохой». Отецъ говорилъ: «наказалъ меня Богъ сыномъ, изъ котораго не будетъ проку».

Иванъ не столько торговалъ, сколько мастерилъ. Заберется куда нибудь въ темный уголъ, да тамъ и мастеритъ— вырѣзываетъ изъ дерева игрушечные флюгера, толчеи, мельницы. Отецъ билъ его за это, но битье не помогало: Иванъ по прежнему дѣлалъ то, къ чему сердце его лежало.

Однажды Кулибинъ сильно заинтересовался большими часами, которые находятся на нижегородской Строгановской колокольнѣ. Захотѣлось ему понять, отчего часы ходятъ, какъ они устроены и какъ ихъ сдѣлать. Часто разсматривалъ онъ эти часы, а понять ихъ устройство все-же не смогъ.

Тогда рѣшилъ Иванъ, что тутъ безъ помощи хорошихъ ученыхъ книгъ не обойдешься. Сталъ онъ съ большимъ трудомъ добывать книги, читать ихъ. Читалъ да кое какъ торговалъ. Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, увидалъ онъ однажды у какого-то своего знакомаго стѣнные часы. Въ то время часы были большой рѣдкостью. Люди жили безъ часовъ. Кулибинъ выпросилъ себѣ часы на время, принесъ домой, ра-

зобралъ ихъ, разсмотрѣлъ устройство, потомъ опять собралъ, и сталъ дѣлать такіе-же часы изъ дерева. Дѣлалъ однимъ простымъ ножемъ, даже безъ циркуля—ничего не вышло. Часы не пошли. «Значитъ, рѣшилъ Кулибинъ, нужно учиться дальше». Тутъ удалось ему побывать въ Москвѣ, а тамъ познакомиться съ часовщикомъ. Этотъ часовщикъ показалъ и разсказалъ Кулибину всю суть часового дѣла, позволилъ Кулибину приходить къ нему въ мастерскую когда вздумается, и продалъ ему кое какія сломанныя машинки для нарѣзки колесъ и токарный лучковый станокъ.

Пріѣхавъ домой, Кулибинъ починилъ машинки и—скоро сдѣлалъ хорошіе часы своими средствами, да еще съ кукушкой. Черезъ нѣкоторое время Кулибинъ сдѣлалъ нѣсколько деревянныхъ часовъ и продалъ ихъ; послѣ деревянныхъ, онъ сталъ дѣлать мѣдные. Онъ ихъ продавалъ, скопилъ такимъ способомъ немного денегъ и на эти деньги купилъ себѣ часы карманные,—они понадобились ему для образца. Нѣсколько разъ онъ разбиралъ и собиралъ вновь эти карманные часы и быстро уразумѣлъ, какъ ихъ нужно дѣлать.

Въ это время Кулибинъ былъ уже женатъ, отца онъ давно похоронилъ, а торговлю бросилъ. Денежныя дѣла, какъ водится, были плохи, и еще стали бы хуже, если бы не вышелъ вотъ какой случай:

У нижегородскаго губернатора попортились англійскіе стальные часы съ репетиціей. Камердинеръ губернатора, знакомый Кулибина, отнесъ ихъ къ нему въ починку.

Кулибинъ починилъ ихъ скоро и хорошо.

Губернаторъ обрадовался, призвалъ Кулибина къ себѣ, обласкалъ.

Только потому о Кулибинѣ заговорилъ весь городъ. Стали къ нему сыпаться всякіе заказы на часы и на ихъ починку.

Завелись и у Кулибина деньги. Тутъ и задумалъ Кулибинъ сдѣлать часы особенные, необыкновенные, и вотъ какіе.

Эти часы величиною съ гусиное яйцо, бьютъ они половины и четверти часа; въ исходѣ каждаго часа отворяются въ яйцѣ створныя дверцы, и глазамъ открывается великолѣпный чертогъ; въ этомъ чертогѣ, противъ самыхъ дверей,—

изображеніе гроба Господня, съ небольшой дверью; къ двери приставленъ камень, а по сторонамъ гроба—два воина съ копьями. Каждый часъ створныя двери отворяются, являются ангелы, камень отваливается, воины падаютъ, а къ ангеламъ подходятъ двѣ жены мироносицы. Въ это время раздается музыка, наигрывающая «Христосъ воскресе». Этотъ стихъ часы играютъ каждый часъ, начиная съ 8 часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни. Въ другое же время они играютъ «Воскресъ Іисусъ изъ гроба».

Принялся Кулибинъ устраивать такіе часы.

Сначала онъ долженъ былъ придумать и сдѣлать такіе инструменты, какіе нужны для такой работы. Кулибинъ долженъ былъ сдѣлаться и слесаремъ, и столяромъ и литейщикомъ.

Одинъ богатый купецъ, по фамиліи Костроминъ, очень добрый человѣкъ, обѣщалъ давать Кулибину на все время работы полное содержаніе.

Пять лѣтъ работалъ Кулибинъ надъ часами—и сдѣлалъ-таки ихъ.

Въ часахъ было около 1000 разныхъ колесъ.

Часы еще не были окончены, какъ случилось событіе, которое перемѣнило всю жизнь Кулибина: Нижній-Новгородъ посѣтила императрица Екатерина II.

Губернаторъ разсказалъ о Кулибинѣ вельможамъ, а тѣ—царицѣ. Царица захотѣла повидать Кулибина, познакомиться съ нимъ. Кулибинъ показалъ ей свои часы, которые еще не совсѣмъ были готовы тогда; показалъ ей еще электрическую машинку, которую самъ сдѣлалъ, микроскопъ и телескопъ тоже своей работы. Кулибинъ сдѣлалъ ихъ по заграничнымъ образцамъ: увидитъ, разсмотритъ—и сдѣлаетъ.

За границей ихъ дѣлали люди ученые, которые изучили много разныхъ наукъ (напримѣръ—физику, механику). А Кулибинъ былъ человѣкъ необразованный, темный, хотя и очень умный; никакихъ наукъ онъ не проходилъ, до всего долженъ былъ доходить самъ.

И много-много времени у него пропало совсѣмъ даромъ.

Царица Екатерина дивилась уму, ловкости и сообразительности Кулибина, но очень жалѣла, что такой умный человѣкъ нигдѣ не учился.

Да и учиться ему было негдѣ, потому что школъ почти не было.

Царица велѣла Кулибину привезти удивительные часы къ ней въ Петербургъ, когда они будутъ готовы. Въ 1769 году

Кулибинъ подноситъ императрицѣ Екатеринѣ II часы своего издѣлія.

повезъ ихъ Кулибинъ въ Петербургъ. Съ нимъ поѣхалъ и купецъ Костроминъ. Тамъ царица обласкала и наградила обоихъ.

За свои часы Кулибинъ получилъ 1000 рублей ассигнаціями; эти часы, телескопъ и микроскопъ и электрическую машинку повелѣно было хранить въ кунсткамерѣ, а Кулибинъ былъ зачисленъ на службу въ Академію Наукъ; тамъ была дана ему въ завѣдываніе механическая мастерская и положено жалованье въ 300 рублей ассигнаціями въ годъ. Костромину же царица подарила серебряную кружку и 1000 рублей денегъ «за благодушное и благородное вспомоществованіе дарованіямъ Кулибина».

Съ этого времени для Кулибина началось хорошее житье. Онъ только то и дѣлалъ, что устраивалъ разные инструменты для ученыхъ академиковъ. Работа была ему по душѣ, голодать не приходилось. Много разныхъ инструментовъ сдѣлалъ и починилъ Кулибинъ за это время. Онъ поставилъ свое дѣло отлично.

Прошло 3 года. Тутъ удалось Кулибину еще больше отличиться: онъ придумалъ, какъ устроить деревянный мостъ черезъ Неву,—мостъ изъ одной дуги, безъ свай, опирающійся своими концами въ берега рѣки. Кулибинъ устроилъ такой мостъ въ маленькомъ видѣ (модель); эта модель выдержала всякія испытанія, и можно было по ней строить настоящій мостъ.

Къ сожалѣнію, моста по Кулибинскому плану все-же не выстроили.

Было это въ 1776 году.

За свое изобрѣтеніе Кулибинъ получилъ 2000 рублей ассигнаціями въ награду.

Весь Петербургъ ѣздилъ смотрѣть на кулибинскую модель моста, какъ на чудо какое. Заговорили о ней и за границей, но поговорили-поговорили, а потомъ и забыли, и черезъ нѣсколько лѣтъ модель была продана на дрова....

Впрочемъ, это случилось уже послѣ смерти Кулибина: случись это при его жизни—сильно разогорчился бы Иванъ Петровичъ.

Въ 1775 году, за разные заслуги императрица захотѣла наградить Кулибина чиномъ. Пришелъ къ нему свѣтлѣйшій князь Орловъ, и говоритъ ему о царскомъ желаніи.

— Но вотъ,—говоритъ,—бѣда,—чтобы получить чинъ, нужно надѣть нѣмецкое платье и сбрить бороду.

Кулибинъ всегда ходилъ въ русскомъ платьѣ и бороду носилъ длинную, русскую.

На это Кулибинъ сказалъ Орлову:

— Почестей я не ищу, ваша свѣтлость, и для нихъ и бороды не обрѣю.

И не обрилъ.

Кулибинъ въ своемъ обычномъ видѣ ѣздилъ даже на царскій балъ во дворецъ въ Царское Село.

Но онъ и чиновъ не получилъ, а вмѣсто нихъ дали ему особую медаль, выбитую въ его честь, съ такою надписью: «Достойному механику Академіи Наукъ, Ивану Кулибину».

Иванъ Кулибинъ.

Рѣдко кто заслуживалъ такой особой медали. Но и медали не прельщали Кулибина. Больше всего прельщала его любовь къ наукѣ. Онъ по 18 часовъ въ сутки сидѣлъ у себя въ мастерской и придумывалъ разныя машины и приборы.

Въ 1779 году онъ придумалъ замѣчательный фонарь въ видѣ большого круга, составленнаго изъ великаго множества маленькихъ кусочковъ зеркала. Теперь такіе фонари не рѣдкость. Они ставятся напримѣръ на маякахъ, на корабляхъ. Впервые придумалъ такіе фонари Кулибинъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ фонарей. Они свѣтятъ очень ярко и бросаютъ лучи свѣта на далекое разстояніе.

Прошло 2 года—и Кулибинъ придумалъ еще кое-что: онъ устроилъ самоходное судно, которое могло ходить противъ теченія и при противномъ вѣтрѣ.

Въ тѣ времена пароходовъ еще не было.

Въ 1782 году, при великомъ стеченіи народа, вверхъ по Невѣ, отъ Васильевскаго острова, пошло судно безъ парусовъ и веселъ, съ 4000 пудами груза. Шло оно противъ вѣтра, противъ теченія и при большомъ волненіи. Пошло оно такъ быстро, что двухвесельный яликъ едва могъ держаться

съ нимъ наравнѣ. За столь искусно и умно построенное судно Кулибинъ получилъ 5000 рублей награды. Деньги эти пошли на новыя изобрѣтенія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Кулибинъ придумалъ способъ освѣщать съ помощью зеркалъ подземный корридоръ въ царскомъ дворцѣ.

Еще придумалъ онъ телѣжку-самокатку, вродѣ нынѣшнихъ велосипедовъ. Такая «самокатка» была придумана въ одно время и у насъ, и заграницей.

А въ 1791 г. Кулибинъ сдѣлалъ изъ дерева, желѣза и пробки искусственную ногу для одного своего знакомаго, нѣкоего артиллерійскаго поручика, у котораго нога была оторвана ядромъ при штурмѣ Очакова. Поручикъ этотъ съ помощью деревянной подвижной ноги могъ вставать, ходить, садиться. Она была устроена въ видѣ настоящей, изъ желѣза, пробки и замши, изгибалась гдѣ нужно, и на нее надѣвался башмакъ.

Теперь такія искусственныя ноги не рѣдкость,—то была первая. Но изобрѣтеніе Кулибина въ Россіи было забыто и людямъ на пользу не пошло. Подхватилъ это изобрѣтеніе одинъ французъ, купилъ модель у Кулибина, свезъ во Францію, да тамъ и выдалъ за свое издѣліе. Оно тогда и пошло въ ходъ. Послѣ войны 1812 года этотъ французъ получилъ множество заказовъ на такія искусственныя ноги. Онъ сдѣлалъ столько такихъ ногъ, что даже разбогатѣлъ и, кромѣ того, прославился.

Въ 1796 г. умерла императрица Екатерина II. На престолъ вступилъ Павелъ I. Порядки пошли иные. Академія Наукъ была въ загонѣ. Но новый императоръ все же дружески относился къ Кулибину. Тотъ и при Павлѣ I отличился: какъ-то спускали въ воду новый военный корабль. Спустили неудачно,—корабль застрялъ. Позвали Кулибина, и тотъ очень быстро помогъ бѣдѣ.

Въ 1801 году вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Новый императоръ, «во вниманіе къ ревностной и долговременной службѣ Кулибина», назначилъ ему пожизненную пенсію въ 3000 рублей.

Въ это время Кулибину было уже 66 лѣтъ. Онъ усталъ работать и попросился у государя, чтобы тотъ отпустилъ его

на родину, въ Нижній. Царь согласился и подарилъ Кулибину единовременно 6000 рублей; онъ зналъ, что старикъ и въ Нижнемъ спокойно сидѣть не будетъ, а станетъ что нибудь мастерить.

Пріѣхавъ въ Нижній, Кулибинъ купилъ себѣ маленькій домикъ и поселился въ немъ съ многочисленною семьей. Здѣсь Кулибинъ усовершенствовалъ свое самоходное судно, которое ходило по Волгѣ, вверхъ по теченію, по 410 саженъ въ часъ. Объ успѣшной пробѣ судна губернаторъ донесъ министру, но отвѣта отъ него не получалось такъ долго, что Кулибинъ успѣлъ за это время умереть, а его судно было продано на дрова.

Цѣлый рядъ несчастій обрушился на старика, но все-же онъ попрежнему работалъ,—что нибудь придумывалъ. Почти передъ самой своей кончиной онъ придумалъ желѣзный мостъ черезъ Неву, на подобіе нынѣшняго Николаевскаго.

Кулибинъ умеръ въ 1818 году и похороненъ на Петропавловскомъ или Всесвятскомъ кладбищѣ, у себя на родинѣ. Умеръ онъ бѣднякомъ, а похороненъ на чужія деньги,—своихъ не было. Зато провожать его на кладбище собрались тысячи народа. Кулибинъ скончался на 84 году жизни.

* * *

Читая жизнеописаніе нашего замѣчательнаго механика-самоучки, невольно удивляешься его способностямъ и талантамъ. Кулибинъ былъ очень умный и способный человѣкъ. Такіе люди, какъ онъ, родятся рѣдко. Нужно ими дорожить и дорожить. Но вотъ что горько: почти всѣ изобрѣтенія Кулибина забыты и не принесли той пользы, которую могли бы и должны бы были принести.

Куда ушли способности Кулибина? Весь свой вѣкъ онъ работалъ, а что вышло изъ его работы? Не осталось послѣ смерти его никакихъ изобрѣтеній, которыми можно было бы помянуть его имя. Сдѣлалъ онъ напримѣръ удивительные часы съ музыкой. Показалъ онъ этимъ свой умъ. А кому нужны эти часы? То-то и горе, что Кулибинъ потратилъ на эти часы, то есть просто-на-просто на игрушку, цѣлыхъ пять лѣтъ

своей жизни! Сколько добра может сдѣлать за такое время умный и способный человѣкъ!

Сдѣлалъ Кулибинъ микроскопъ и телескопъ. Эти приборы очень важны и полезны, но придуманы они заграницей: не Кулибинъ ихъ выдумалъ: онъ сдѣлалъ ихъ по чужимъ образцамъ.

Сдѣлалъ Кулибинъ модель моста черезъ Неву, и на это пошло много времени и потребовалось много ума, знаній и сообразительности. И эта работа пропала даромъ,—модель была продана на дрова. Казна не отпустила денегъ на постройку моста.

И вышло такъ, что то былъ не мостъ, а тоже игрушка.

Не вышло проку и съ лодкой-самоходкой; не пошло и это изобрѣтеніе на пользу русскому народу и всѣмъ другимъ людямъ.

Великій человѣкъ былъ Кулибинъ. Невольно дивятся ему люди. А еще больше нужно его жалѣть. Не послужилъ онъ своимъ умомъ всему народу русскому, не послужилъ человѣчеству.

IV.

Курскій мѣщанинъ Семеновъ, астрономъ-самоучка.

Сто лѣтъ тому назадъ жилъ въ Курскѣ нѣкій купецъ Алексѣй Никитичъ Семеновъ. То былъ человѣкъ крѣпкій, старыхъ правилъ. Родныхъ и домашнихъ онъ держалъ въ рукахъ, самъ работалъ какъ волъ, и отъ другихъ такой же работы требовалъ. Человѣкъ онъ былъ совсѣмъ необразованный и даже пользы отъ образованности не понималъ. Онъ только то и зналъ, что для торговли ему нужно было и чему отъ дѣда научился, а больше того и знать не хотѣлъ. Торговалъ онъ мясомъ и скотомъ, а отъ этой торговли, какъ извѣстно, сердце человѣческое нерѣдко дѣлается жестокимъ.

Вотъ у этого Семенова и родился въ 1794 году сынъ Федоръ, способный, смышленый, необычайно даже умный. Когда онъ подросъ, родитель обучилъ его кое какъ грамотѣ, а, обучивши, рѣшилъ, что «этого довольно».

Федору было уже лѣтъ 10, когда отецъ его долженъ былъ перейти изъ купеческаго званія въ мѣщанское, потому что отъ падежа скота дѣла его пошли плохо. Десятилѣтній Федоръ принялся за отцовское дѣло—сталъ ѣздить по ярмаркамъ вмѣстѣ съ приказчикомъ или билъ скотъ на бойнѣ и продавалъ мясо на рынкѣ.

Дѣло было ему совсѣмъ не по душѣ, а вести его все же было нужно. Въ свободное время Федоръ читалъ книжки, это занятіе ему очень нравилось. Онъ даже не замѣчалъ, какъ и время идетъ за книжкой. Торговля у него не клеилась, а книжное дѣло подвигалось отлично.

Въ головѣ у Федора постоянно было много разныхъ думъ. Все ему хотѣлось понять, какъ Божій міръ устроенъ, отчего то, да отчего это? Идетъ онъ съ приказчиками по степи и вдругъ спроситъ:

— А отчего это у неба голубой цвѣтъ? А почему солнце свѣтитъ только днемъ, а луна ночью? И что это такое эти свѣтила небесныя?

— Ты, Федька, все дурачишься, отвѣчаютъ ему.—На что тебѣ нужно знать это? Какая тебѣ польза отъ этого? Вѣдь ты совсѣмъ пропащая голова!

А Федька все думаетъ да думаетъ, и остановить свою мысль не можетъ. Годъ за годомъ идетъ, Федька растетъ, большимъ становится, а думъ, и разныхъ вопросовъ «почему да отчего» въ головѣ у него все больше да больше. Видитъ онъ, что во всемъ мірѣ и въ жизни—все связано одно съ другимъ, одно за одно цѣпляется; чуетъ онъ, хоть еще и неясно, что и жизни настоящей человѣкъ не устроитъ для себя до тѣхъ поръ, пока не разберется въ томъ колесѣ, въ какомъ живетъ. Даже выходитъ какъ будто такъ: и жизни человѣческой не поймешь, пока неба не поймешь.

Вотъ какой случай выяснилъ ему это. Въ 1804 году, однажды вечеромъ старикъ отецъ спросилъ Федора:

— А видѣлъ ты, какъ сегодня около вечерни солнце почернѣло?

Эти слова очень удивили Федора. Онъ не видѣлъ этого, да и не понималъ, какъ это солнце можетъ почернѣть?!

А это и вправду было,—многіе люди замѣтили.

Сталъ Федоръ всѣхъ разспрашивать, отчего это да почему случилось. Ему отвѣчали:

— Это предвѣстіе, и предвѣстіе недоброе. Оно обозначаетъ, что Богъ гнѣвается на людей за грѣхи ихъ, и объявляетъ имъ гнѣвъ свой небеснымъ знаменіемъ.

Тутъ Федоръ еще больше удивлялся и мучался.

На самомъ дѣлѣ было вотъ что: въ 1804 году случилось на небѣ затменіе солнца, иначе сказать, между землей и солнцемъ встала въ это время луна и, понятно, закрыла собой солнце; отъ этого солнце и потемнѣло, потому что луна непрозрачна,—она сама такая же темная, какъ наша земля или камень. Такія затменія солнца бываютъ нерѣдко и ихъ можно видѣть съ разныхъ мѣстъ земли,—то съ одного, то съ другого мѣста. Не всѣ люди знаютъ, отчего бываютъ солнечныя затменія, а, не зная этого, и боятся ихъ, называютъ ихъ «знаменіями».

Федоръ Семеновъ.

Такъ думалъ сначала и Федоръ Семеновъ. Но онъ все-же спрашивалъ себя:

— Что же это за знаменіе? Да такъ ли это? Да нельзя ли разузнать, такъ это или не такъ?

Узналъ онъ, что бываютъ затменія солнечныя и лунныя. И вотъ, однажды, попался ему календарь, и онъ сталъ его читать. Въ тѣ времена книги попадались не часто, ихъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь, да онѣ были и похуже многихъ нынѣшнихъ. Кромѣ того, и старикъ Семеновъ не любилъ книгъ. Вотъ въ календарѣ Федоръ и нашелъ цѣлый разсказъ о затменіяхъ. Прочиталъ Федоръ этотъ разсказъ и понялъ, что такое затменіе. Понялъ онъ, что луна ходитъ вокругъ земли словно по заведенному колесу, и что она обходитъ вокругъ земли въ 28 дней и потому очень часто становится между землей и солнцемъ. Отъ луны, какъ отъ всего, падаетъ тѣнь; тѣнь эта очень длин-

ная. Иной разъ случается, что эта тѣнь отъ луны падаетъ на земной шаръ. Въ томъ самомъ мѣстѣ земли, на которое падаетъ тѣнь отъ луны, и бываетъ видно солнечное затменіе. А лунное затменіе бываетъ оттого, что на луну падаетъ тѣнь отъ земли. Значитъ, затменіе солнца не есть знаменіе, а просто-напросто —явленіе природы, и совершается это явленіе такъ правильно, что его можно предвидѣть и предсказать. А коли такъ,—коли можно его предвидѣть, то, значитъ, затменіе не знаменіе гнѣва Божія: «вѣдь гнѣва Божьяго, думалъ Семеновъ, предвидѣть нельзя». Знаніе разрушаетъ невѣжество и не даетъ тьмѣ вліять на людей и на людскія дѣла.

И захотѣлось Семенову еще больше разузнать о томъ, какъ небо устроено. Странствуя со своимъ стадомъ по степямъ, Семеновъ многое подмѣтилъ въ небѣ: узналъ онъ, что и солнце, и луна, и иныя свѣтила восходятъ съ одной стороны неба, затѣмъ подымаются по небу, описываютъ дугу, а потомъ закатываются на другой сторонѣ неба. Подмѣтилъ Семеновъ, что въ разное время года разныя звѣзды восходятъ и заходятъ въ разные часы. Еще многое другое подмѣтилъ Семеновъ самъ. Онъ все больше и больше добывалъ и читалъ разныхъ книгъ, гдѣ говорилось о небѣ.

— Навѣрное, думалъ онъ, ученые люди разныхъ странъ, уже многое разузнали о небѣ.

Вотъ нашелъ онъ одну ученую книгу о небѣ, сталъ читать ее. Эта была «астрономія», (то есть наука о небесныхъ свѣтилахъ), сочиненіе французскаго ученаго Лаланда. Читаетъ Семеновъ эту книгу,—и не понимаетъ ничего.

Увидѣлъ онъ, что книга не дается ему потому, что нельзя понять астрономіи, не зная нѣкоей другой науки, которая называется «тригонометріей».

Досталъ тогда Семеновъ учебникъ по этой наукѣ. Присѣлъ за нее, пробовалъ изучать,—и ничего не вышло: чтобы понять тригонометрію, нужно изучить еще двѣ науки— геометрію и ариометику.

И за эти науки засѣлъ Семеновъ,—изучилъ ихъ. Тогда только понялъ онъ и астрономію,—прочиталъ книгу Лаланда до конца и какъ слѣдуетъ. Читалъ онъ и учился по ночамъ.

Такъ по книгамъ сдѣлался Семеновъ ученымъ астро-

номомъ. Своими средствами онъ устроилъ себѣ и кой какіе ученые приборы, чтобы наблюдать небесныя явленія. И все ему хотѣлось добиться того, чтобы самому предсказать затменіе. А для этого онъ долженъ былъ изучить еще очень много разныхъ наукъ.

Онъ и сталъ ихъ изучать безъ всякой чужой помощи.

Разумѣется, отъ этого Семеновъ тратилъ не мало времени и труда напрасно: если бы былъ подъ рукой знающій человѣкъ или учитель, то онъ много помогъ бы Семенову,—показалъ бы, съ чего начинать, какъ легче учить, какія книги проще и умнѣе написаны. Но такихъ учителей около Семенова тогда не было. Вотъ онъ и доходилъ до всего своимъ умомъ и съ большими трудами, и терялъ много времени и силъ зря.

А отецъ и домашніе сильно бранили его за книги, называли его занятія «дурацкимъ упражненіемъ», «блажью». Тяжело было бороться Семенову съ темными, непонимающими людьми, у которыхъ все-же была въ рукахъ большая власть надъ нимъ. Еще то было худо, что это были люди близкіе, его семейные. Вѣдь съ семьей еще труднѣе бороться, чѣмъ съ чужими. Семейные рѣшили «исправить» Федора. А для этого —«женить».

Но и тутъ вышла бѣда: ни одинъ купецъ въ городѣ Курскѣ не захотѣлъ выдать своей дочери за «дурака, который по ночамъ не спитъ, а все глядитъ въ какую-то трубу на мѣсяцъ».

Наконецъ надъ бѣднымъ парнемъ сжалилась дочь одного ямщика изъ слободы. Такъ Семенова на ней и женили.

Но и женитьба не помогла. Съ женою Семеновъ былъ счастливъ, жену онъ любилъ, а о наукахъ думалъ еще больше прежняго. Тутъ дѣла его пошли лучше. Помогла этому бѣда: старикъ-отецъ Семенова сильно заболѣлъ, а Федоръ сказалъ домашнимъ:

— Если вы не дадите мнѣ жить по моей волѣ, то я брошу все домашнее хозяйство.

Тяжело было Семенову, а все-же вести хозяйство, кромѣ него, было некому. Волей-неволей отецъ согласился, и тогда сталъ Семеновъ учиться и хозяйничать какъ ему хотѣлось.

Родные молча смотрѣли на разныя «затѣи» Федора и ворчали про себя. Какъ ни какъ, а Федоръ побѣдилъ ихъ,—поставилъ-таки на своемъ, завоевалъ-таки свободу себѣ, отбился-таки отъ темныхъ людей, вышелъ изъ подъ ихъ власти.

— Ишь ты, Федоръ-то, и не глупъ, а поди ты, сколько дурачится! говорили про Федора его родные. Отецъ думалъ, что дѣла пойдутъ теперь хуже, а пошли они лучше, потому что старые должны въ концѣ концовъ уступать дорогу молодымъ.

Накупилъ себѣ Федоръ разныхъ книгъ и сталъ учиться по нимъ. Отъ одной науки онъ переходилъ къ другой, отъ другой къ третьей. Все онъ хотѣлъ знать основательно, во все вникнуть своимъ умомъ. Послѣ астрономіи онъ изучилъ науку физику. Эту науку по однѣмъ книжкамъ нельзя изучать,—нужно, кромѣ того, дѣлать опыты (пробы), нужно наблюдать природу своими глазами и съ помощью разныхъ приборовъ. Этихъ приборовъ у Семенова не было. Онъ рѣшилъ дѣлать ихъ своими руками. Для этого онъ сталъ учиться ремесламъ,—столярному, слесарному и токарному. Онъ самъ сдѣлалъ для себя токарный станокъ и понадѣлалъ много разныхъ приборовъ, какіе были нарисованы въ книжкахъ по физикѣ. По этимъ приборамъ онъ и изучалъ эту науку.

Словомъ сказать, Федоръ переходилъ отъ книжки къ книжкѣ, отъ науки къ наукѣ, и все шелъ въ глубину, все старался понять окружающую насъ природу.

А знакомые и родные Семенова нерѣдко считали его колдуномъ. Его опыты и всѣ занятія физикой и химіей считались бѣсовскими наважденіями....

Наконецъ Семеновъ познакомился съ двумя неглупыми и образованными людьми,—помѣщикомъ Денисовымъ и купцомъ Воронковымъ, а потомъ и съ извѣстнымъ писателемъ Н. Полевымъ; эти люди оцѣнили умъ Семенова, его знанія и дарованія.

Разумѣется, это прибавило ему еще больше духу. Впрочемъ, силы воли у Семенова и безъ того много было: иначе онъ не дошелъ бы до всего своимъ умомъ.

Въ 1817 году умеръ отецъ Семенова. Тяжело было Семенову, а все же теперь жить стало легче. О немъ уже за-

говорили въ городѣ. Даже курскій губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть на ученаго самоучку, словно на чудо какое.

Ѳедоръ Семеновъ разсматриваетъ небо въ телескопъ, который онъ самъ устроилъ.

А въ это время Семеновъ устраивалъ свои домашнія дѣла: торговлю бросилъ, купилъ себѣ имѣніе въ 350 десятинъ и сталъ тамъ хозяйничать по ученому, устроилъ хозяйственный хуторъ, развелъ фруктовый садъ.

Чтобы поставить это дѣло какъ слѣдуетъ, Семеновъ изучилъ еще нѣсколько наукъ (науку о растеніяхъ—ботанику, науку о почвѣ—почвовѣдѣніе), изучилъ садоводство, плодоводство. Все это по книжкамъ. Еще онъ изучилъ межевое дѣло и помогъ правильному и честному размежеванію городскихъ земель.

Тогда же онъ устроилъ себѣ хорошую подзорную трубу, длиною почти въ сажень. Эту трубу онъ сдѣлалъ самъ, своими руками. Она была сдѣлана изъ толстой бумаги (картона). Въ нее были вставлены увеличительныя стекла. Эти стекла отшлифовалъ самъ Семеновъ. Для этого онъ устроилъ особый шлифовальный станокъ. Провозился онъ со стеклами цѣлыхъ два года. Труба была хорошая. Черезъ эту трубу Семеновъ увидѣлъ горы на лунѣ, пятна на солнцѣ....

Въ 1827 году онъ въ первый разъ видѣлъ солнечное затменіе сквозь свою трубу.

О Семеновѣ заговорили еще больше. Слухъ о немъ дошелъ до Москвы. Позвали его одни знакомые въ Москву. Онъ съѣздилъ туда, пожилъ съ учеными людьми, многому научился отъ нихъ. Познакомился онъ здѣсь съ двумя профессорами. Эти профессора читали лекціи по астрономіи и физикѣ. Профессора позвали Семенова къ себѣ въ университетъ, послушать лекціи. Съ великимъ восторгомъ слушалъ Семеновъ эти лекціи, сидя на скамьѣ, рядомъ со студентами. Профессора объясняли науку такъ просто, такъ понятно, а Семенову приходилось изучать эту самую науку по книжкамъ, до всего доходить своимъ умомъ, съ очень большими трудами, съ великой потерей времени.

Семеновъ отъ всей души жалѣлъ и горевалъ, что онъ *самоучка* и что не удалось ему поучиться въ университетѣ. Ему вѣдь пришлось добиваться образованія окольными путями, а тѣмъ, кто учится въ школѣ, знанія даются легче и скорѣе....

Семеновъ погостилъ немного въ Москвѣ, у новыхъ своихъ друзей, накупилъ книгъ на всѣ свои деньги, и вернулся домой, въ Курскъ.

Теперь Семеновъ былъ настоящимъ ученымъ человѣкомъ, —онъ принялся даже за ученыя работы, и печаталъ ихъ въ одномъ ученомъ журналѣ.

Разныя ученыя общества сдѣлали его своимъ членомъ, напримѣръ: общество Географическое, Вольно-Экономическое, и другія.

Но онъ за почестями не гнался. Онъ все работалъ, учился, старался дойти до того, чтобы самому предсказывать солнечныя затменія.

И въ концѣ концевъ дошелъ!

Въ 1856 году онъ закончилъ великій ученый трудъ, который называется такъ: «Таблица показанія времени солнечныхъ и лунныхъ затменій съ 1840 года по 2001 годъ».

Этотъ его трудъ напечатало на свои средства Императорское Географическое Общество, и за него присудило Семенову золотую медаль, какъ за ученыя заслуги. Всѣ удивлялись, что этотъ трудъ написалъ мѣщанинъ-самоучка, который дошелъ до всего своимъ умомъ и своими средствами, безъ чужой помощи. Въ этомъ своемъ трудѣ Семеновъ высчиталъ съ точностью и достовѣрностью, въ какое время должны случиться лунныя и солнечныя затменія; въ которомъ часу, во сколько минутъ и секундъ они начнутся и когда окончатся и сколько какихъ затменій случится съ 1840 по 2001 годъ.

Какіе-же замѣчательные труды совершилъ-бы Семеновъ, если-бы ему кто нибудь помогалъ? Сколько времени и силъ сохранилось-бы тогда у Семенова и пошли-бы на другія великія дѣла? Вотъ въ этомъ-то и горе, что помогать-то ему было некому. Въ тѣ времена школъ и библіотекъ было мало, ученыхъ людей—мало; въ университеты могли поступать только богатые люди; образованіе тогда не всѣми цѣнилось, и милліоны людей разсуждали такимъ же способомъ, какъ отецъ Семенова.

И задыхались отъ такого житья умные и способные люди, и сколько ихъ задохлось и пропало безъ пользы, —никто не знаетъ....

Умеръ Семеновъ въ Курскѣ въ 1860 году, почти наканунѣ освобожденія крестьянъ. Послѣ него осталось большое семейство. Въ память о немъ, на городскія средства, устроено теперь училище его имени и безплатная народная библіотека.

V.

Купеческій сынъ Ѳедоръ Волковъ.

Ѳедоръ Волковъ родился въ Костромѣ, въ 1729 году. Отецъ его былъ тамошнимъ купцомъ и чѣмъ-то торговалъ, и ничего, кромѣ своей торговли, не зналъ и знать не хотѣлъ. Мать его занималась одними семейными дѣлами и тоже была человѣкъ совсѣмъ неученый.

Ѳедоръ Волковъ потерялъ отца еще въ малолѣтствѣ, а мать его скоро вышла замужъ второй разъ за ярославскаго купца Полушкина. Полушкинъ былъ человѣкъ богатый и тароватый. У него были собственные заводы сѣрные, кожевенные, селитряные въ Ярославлѣ и гдѣ-то на рѣкѣ Унжѣ. Онъ торговалъ и по Волгѣ, торговалъ и съ Петербургомъ. Дѣла шли хорошо, купецъ наживался, а больше ему ничего и не нужно было. Человѣкъ онъ былъ необразованный, но умный, и понималъ, что для купеческихъ дѣлъ образованность—большая подмога.

Въ своемъ пасынкѣ Ѳедорѣ, Полушкинъ подмѣтилъ большую способность къ наукамъ. Онъ сейчасъ смекнулъ, что эта способность Ѳедора можетъ принести пользу и его торговымъ дѣламъ.

Ярославль въ то время былъ городъ глухой, можно сказать, дикій. Даже среди помѣщиковъ было не мало людей совсѣмъ неграмотныхъ, темныхъ, а купечество было еще темнѣе. Купечество не заботилось о томъ, чтобы давать образованіе своимъ сыновьямъ. Дѣти дрожали передъ лицомъ родителя, а за спиной всячески обманывали его, а родитель только и зналъ, что «моему праву не препятствуй». Нечего и говорить, что купеческая семейная жизнь была тяжелая жизнь,—хоть и сытно, да для души холодно. Въ такихъ семьяхъ особенно тяжело приходилось тѣмъ дѣтямъ, которые отъ природы были люди способные и стремились къ свѣту и теплотѣ душевной. Такихъ дѣтей семья ломала и калѣчила, и вмѣсто воспитанія давала купеческую, лавочную «муштру».

Отчимъ Волкова, Полушкинъ, какъ сказано, былъ не такой человѣкъ. Онъ позаботился дать Ѳедору и его братьямъ образованіе,—онъ сталъ посылать ихъ въ школу одного нѣмец-

каго пастора (священника). Пасторъ былъ человѣкъ очень образованный и умный. Онъ тотчасъ подмѣтилъ, что за способности у Ѳедора, и старательно занимался съ нимъ.

Тутъ въ душѣ Ѳедора словно развернулся новый міръ, о какомъ онъ не зналъ и не вѣдалъ. Развернулась жизнь разныхъ народовъ, какъ она шла и идетъ, развернулись чаянія, надежды и мечты великихъ людей, поработавшихъ на пользу человѣчества на разныхъ поприщахъ, развернулся міръ живой мысли и міръ красоты, которая тоже должна помогать жизни. Все, что ни говорилъ пасторъ,- все Ѳедоръ ловилъ чуткой душой, обо всемъ раздумывалъ. А еще больше онъ раздумывалъ надъ книгами, которыя читалъ, какъ говорится, запоемъ.

Съ этого времени и началась для Ѳедора Волкова жизнь умомъ, жизнь душой; съ этого времени и не стало лежать у него сердце къ торговлѣ, къ такой жизни, гдѣ всему мѣра—рубль.

Ѳедоръ Волковъ.

У пастора Волковъ выучился и нѣмецкому языку.

Полушкинъ скоро увидѣлъ, что его пасынокъ хотя и короткое время въ ученьѣ, а дошелъ уже до многаго. И рѣшилъ онъ, что Ѳедора нужно вести дальше по ученой дорожкѣ.

Славилась въ то время въ Москвѣ особая школа, которая называлась Заиконоспасской академіей. Въ ней учили многимъ наукамъ и языкамъ. Принимались туда въ ученье люди всякихъ званій. Отдалъ туда своего пасынка Ѳедора и купецъ Полушкинъ. Нечего и говорить, какъ былъ радъ этому Ѳедоръ. Онъ только о томъ и думалъ, какъ-бы пробиться къ свѣту, къ наукѣ.

Но Заиконоспасская академія скоро пришлась ему не по душѣ. Ѳедоръ Волковъ больше любилъ доходить до всего своимъ умомъ, а въ академіи все больше бралось долбней; Ѳедоръ Волковъ все желалъ-бы получить побольше такихъ знаній и набраться такихъ мыслей, какія были-бы нужны *для*

жизни, и которыя-бы помогли ему *понимать жизнь*. А въ академіи учили многому такому, что и въ жизни никогда не можетъ пригодится.

И рѣшилъ Θедоръ Волковъ, что ему здѣсь не мѣсто, и что незачѣмъ ему терять время за долбней. Онъ уже зналъ, какой дорогой нужно идти къ свѣту. Онъ рѣшилъ, что и самъ можетъ научиться многому изъ книгъ.

Трехъ годовъ не пробылъ онъ въ академіи, а затѣмъ уѣхалъ въ Ярославль, поселился тамъ и сталъ помогать своему отчиму въ его торговыхъ дѣлахъ.

Одно только дѣло особенно крѣпко запало ему въ академіи. Устраивали тамъ ученики театръ, или представленія, которыя пришлись очень ужъ по душѣ Волкову. Представленія въ то время устраивались плохо: да и представлять тогда было нечего (пьесъ не было), и представлять не умѣли. А все-же и въ плохихъ представленіяхъ было что-то такое, что хватало за душу.

И сталъ думать Волковъ, какъ-бы устроить свои собственныя представленія, да устроить получше, поумнѣе, и не для потѣхи, а для пользы народной. Театральное представленіе куда сильнѣе дѣйствуетъ на зрителя, чѣмъ книга на читателя; значитъ, съ помощью театра куда удобнѣе распространять въ народѣ добрыя мысли и добрыя чувства.

По тѣмъ временамъ эта мысль по пользѣ театра была еще новостью. Тогда театры устраивались больше для забавы богатыхъ людей, а о пользѣ ихъ для народа мало кто думалъ. Устраивали у себя и для себя представленія русскіе цари и царицы, да знатные, богатые вельможи: пріѣзжали въ Петербургъ и актеры иностранные,—французы, нѣмцы, итальянцы —и устраивали представленія на иностранныхъ языкахъ, а театра для народа устроено не было со временъ Петра Великаго. Только Петръ устраивалъ когда-то такой театръ для народа въ Петербургѣ, а по другимъ городамъ русскимъ и не видно было никакихъ представленій. О просвѣщеніи народа тогда мало заботились.

Вотъ Θедоръ Волковъ тѣмъ и замѣчателенъ, что позаботился о своемъ Ярославлѣ, и устроилъ тамъ первый русскій театръ, да устроилъ его хорошо, дѣльно, и съ пользой не

для себя, а для народа.

Полушкинъ поручалъ ему заводскія дѣла, а къ нимъ сердце Ѳедора не лежало. Онъ все думалъ, какъ-бы устроить театръ. Полушкинъ послалъ Ѳедора въ Петербургъ, чтобы онъ поучился тамъ счетоводству. Тотъ поступилъ въ какую-то нѣмецкую контору, быстро выучился счетоводству, а о театрѣ все-таки думалъ. Въ Петербургѣ ему удалось побывать въ придворномъ и въ иностранныхъ театрахъ и подробно разсмотрѣть, какъ они устроены. Еще больше сталъ онъ думать о своемъ собственномъ театрѣ.

Но увидѣлъ онъ и то, что устроить хорошій, разумный театръ—дѣло очень трудное и хитрое; для этого нужно много знаній и труда.

И сталъ онъ еще больше учиться. Учился музыкѣ, учился рисовать, учился иностраннымъ языкамъ.

Въ это время Полушкинъ умеръ, а Ѳедоръ вернулся поневолѣ въ Ярославль и вмѣстѣ съ братьями взялъ на себя всѣ торговыя дѣла. Но дѣлами онъ занимался плохо и они шли кое какъ.

Зато онъ очень скоро устроилъ у себя въ какомъ-то амбарѣ настоящій театръ.

29 іюня 1750 года было тамъ дано первое представленіе, затѣмъ пошли даваться и другія. Волковъ самъ рисовалъ декораціи, самъ сочинялъ пьесы, самъ сочинялъ музыку къ нимъ, самъ былъ актеромъ. Вмѣстѣ съ нимъ стали актерами и его два брата и другіе купеческіе сыновья, и разныхъ званій люди.

Народъ повалилъ въ театръ валомъ. На каждое представленіе ходило до тысячи человѣкъ. На представленія пріѣзжали изъ другихъ городовъ. Представляли хорошо, складно. Представленіе хватало за душу. Лучше всѣхъ игралъ Волковъ. Отъ его игры зрители то плакали, то смѣялись...

Такъ шло года три.

Этимъ-то своимъ театромъ Ѳедоръ Волковъ и сдѣлалъ большое дѣло: *онъ устроилъ первый русскій театръ въ провинціи*, устроилъ по своему почину, на свои деньги, безъ чужой и казенной помощи.

Съ тѣхъ поръ пошли устраиваться театры и въ другихъ

русскихъ городахъ, а теперь они устраиваются кое гдѣ и въ деревняхъ, и на фабрикахъ. Волковъ не такой былъ человѣкъ, чтобы добиваться только денегъ. Онъ и заводы свои

Ѳедоръ Волковъ устраиваетъ первый народный театръ въ Ярославлѣ.

такъ запустилъ, что отъ него и отъ братьевъ отобрали ихъ родственники Полушкина.

Но Волковъ не горевалъ; онъ понималъ, что дѣлаетъ

такое дѣло, которое, быть можетъ, еще полезнѣе, чѣмъ заводское. А тутъ еще случилась перемѣна въ его судьбѣ: пріѣхалъ въ Ярославль какой-то чиновникъ изъ Петербурга и уговорилъ Волкова переѣзжать вмѣстѣ съ театромъ въ Петербургъ.

Тотъ такъ и сдѣлалъ.

Дошелъ слухъ о Ярославскомъ театрѣ до императрицы Елизаветы Петровны. Она очень любила всякія представленія. Она выписала Волкова къ себѣ въ Царское Село и велѣла устроить представленіе.

Игра Волкова и его товарищей очень понравилась ей.

Сдѣлались Волковъ и его братья придворными актерами. Императрица записала ихъ всѣхъ въ кадетскій корпусъ, чтобы они всѣ поучились хорошенько наукамъ. Въ корпусѣ учили тогда гораздо лучше, чѣмъ въ академіи. Ученье въ кадетскомъ корпусѣ много помогло образованію Волкова и его товарищей. Въ корпусѣ они учились нѣсколько лѣтъ. 30 августа 1756 года императрица издала особый указъ «объ учрежденіи русскаго, для представленія трагедій и комедій, театра». На содержаніе актеровъ велѣно было отпускать по 5 тысячъ въ годъ. Для него было отведено въ Петербургѣ особое зданіе—нынѣшняя академія художествъ. Главное руководство театромъ было поручено русскому писателю Сумарокову, а Волковъ получилъ званіе «перваго придворнаго актера». На этомъ мѣстѣ много пригодились Волкову всѣ его знанія и умѣнья. Онъ все дѣло велъ самъ: разныя пьесы и сочинялъ и переводилъ съ иностранныхъ языковъ, и музыку къ нимъ писалъ. Въ 1759 году онъ ѣздилъ по порученію императрицы въ Москву, потому что и тамъ былъ заведенъ хорошій театръ, —нужно было и его устройству помочь.

Такъ шло нѣсколько лѣтъ.

Въ 1772 году вступила на престолъ императрица Екатерина Вторая. При восшествіи Волковъ былъ ей чѣмъ-то полезенъ. Она назначила его своимъ кабинетъ-министромъ, давала было ему орденъ Андрея Первозваннаго.

Но Волковъ не искалъ ни орденовъ, ни мѣстъ, и отъ всего отказался. Онъ только попросилъ императрицу, чтобы она дала ему скромную комнату для жилья, да скромныя харчи.

да лошадей для разъѣзда. Все это было дано, а Волкову только и было нужно. Онъ еще сильнѣе сталъ работать на пользу русскаго театра и на пользу русскаго просвѣщенія посредствомъ театра.

Ему было тогда всего 34 года отъ роду. Всѣ цѣнили его умъ, образованіе, искусство, хорошій характеръ. Всѣ надѣялись, что Волковъ долженъ послужить на пользу родины.

Но вышло не такъ. Въ 1763 году на каномъ то придворномъ празднествѣ Волковъ сильно простудился и умеръ.

Не много онъ работалъ, а русскому театру сослужилъ хорошую службу. Онъ не только самъ выучился театральному дѣлу, а и другихъ успѣлъ научить. Послѣ его смерти, на его мѣсто встали другіе способные люди, и дѣло русскаго театра не погибло.

Волковъ смотрѣлъ на свое дѣло не какъ на забаву и развлеченіе. Волковъ понималъ, что театръ долженъ приносить прежде всего пользу: онъ долженъ служить тому же, чему служитъ хорошая, честная книга. Театръ долженъ помогать тому, чтобы побольше было между людьми любви, справедливости и единенія, чтобы человѣкъ лучше обращался съ человѣкомъ, чтобы люди не обижали другъ друга: театръ долженъ помогать тому, чтобы люди правильно понимали окружающую ихъ жизнь и душу человѣческую.

VI.

Сочинитель пѣсенъ, прасолъ Алексѣй Кольцовъ.

Кто сочинилъ извѣстную пѣсню «Хуторокъ», которая поется по всей Руси-матушкѣ? Алексѣй Кольцовъ. А кто сочинилъ пѣсню—«Не шуми ты рожь спѣлымъ колосомъ»?— Онъ-же, Кольцовъ. А пѣсню «Соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла»? А «Дуютъ вѣтры», а «Перстенечекъ золотой», а «Обойми, поцѣлуй», а «На зарѣ туманной юности», а «Ты не пой, соловей», а «Такъ и рвется душа изъ груди молодой»?—Всѣ эти пѣсни сочинилъ тотъ-же Кольцовъ. Онѣ поются по всей Руси. Поютъ ихъ старые и молодые, поютъ на

разные лады и разные голоса. Эти пѣсни кому сердце радуютъ, кому грусть разгоняютъ, у кого слезы вышибаютъ—словомъ сказать, хватаютъ человѣка за душу.

И простыя слова въ пѣснѣ, а всѣ они такъ подобраны, что противъ нихъ ни одна душа не устоитъ. Отчего это? Что за сила въ пѣснѣ? Какая такая эта сила, что ворочаетъ она по своему желанію тысячами душъ и сердецъ:—захочешь—настроитъ по веселому, захочешь—по грустному?

Сила эта—*талантъ*.

Талантъ—это Божья искорка, зажженная въ душѣ человѣческой.

Есть такія души, гдѣ горитъ эта искорка яркимъ пламенемъ. У Алексѣя Кольцова, воронежскаго прасола, была въ душѣ такая искорка. Изъ своей души онъ вложилъ ее въ свои пѣсни, а изъ пѣсенъ попадаетъ Божья искорка въ души тѣхъ людей, кто читаетъ, слушаетъ, поетъ Кольцовскія пѣсни.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Такъ скромный сочинитель задушевныхъ пѣсенъ дѣлаетъ великое дѣло: зажигаетъ въ людскихъ душахъ свою мысль, свои чувства, свое настроеніе.

Кто такой былъ Кольцовъ, сочинитель пѣсенъ? Простой мѣщанинъ города Воронежа, прасолъ, торговавшій чѣмъ придется и какъ придется. И не ученый-то былъ, и не красивый, и не богатый; но зато онъ былъ умный и чувствующій. Былъ у него умъ острый, а душа чуткая, отзывчивая. Такой умъ, да такая душа и покоряли людей.

Кольцовъ родился въ 1808 году, а умеръ въ 1842 году. на свѣтѣ прожилъ онъ всего 34 года, написалъ всего сотню съ небольшимъ пѣсенъ, которыя напечатаны небольшой книжечкой. Впрочемъ, писалъ онъ ихъ гораздо больше, но въ книжку эту онъ помѣстилъ лишь самыя лучшія, остальныя-же уничтожилъ.

Вотъ и все дѣло, сдѣланное Кольцовымъ. Съ виду оно

кажется маленькимъ, а на самомъ дѣлѣ оно такое большое, какое рѣдко выпадаетъ на счастье человѣку.

Вся жизнь Кольцова прошла въ несчастьяхъ: вся она сложилась какъ-то неладно. «Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ», писалъ о себѣ Кольцовъ—«горько жить мнѣ въ немъ, и я еще не знаю, какъ я въ немъ не потерялся». Отецъ Кольцова былъ, какъ говорится, настоящій торгашъ, только о томъ и думалъ, какъ-бы подешевле купить да подороже продать, хотя-бы съ обманомъ. И дѣдъ его былъ прасолъ, и прадѣдъ прасолъ. Они ѣздили по деревнямъ и городскимъ базарамъ, скупали сало, шерсть, собакъ, кошекъ, обвѣшивали, обмѣривали, распинались и лгали изо всѣхъ силъ, только-бы нажить грошъ.

Когда Кольцовы немного разбогатѣли, они занялись торговлею скотомъ. Отецъ Алексѣя Кольцова едва умѣлъ писать, а мать и совсѣмъ была неграмотная. У Кольцова съ отцомъ съ малыхъ лѣтъ шли нелады. Сынъ писалъ про отца: «онъ человѣкъ простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ нечего, вѣкъ молотилъ рожь на обухѣ». «Его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для торговли».

Отецъ обучилъ своего сына грамотѣ, отдалъ его въ уѣздное училище, но учиться долго не далъ,—скоро взялъ его изъ училища. На этомъ и закончилось ученье Кольцова. Онъ не научился даже писать правильно, безъ ошибокъ,—весь свой вѣкъ онъ писалъ съ большими ошибками.

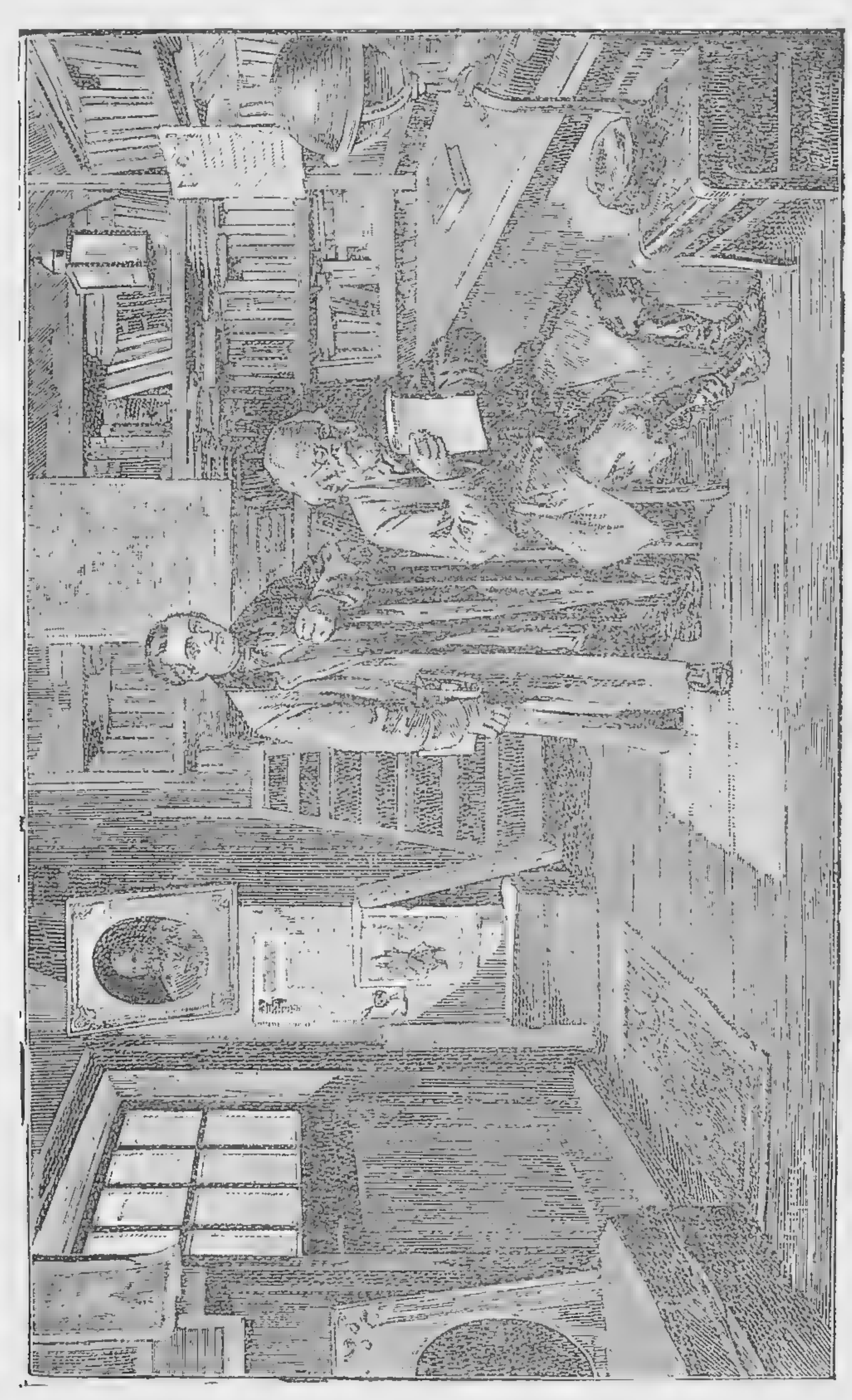
Зато Алексѣй очень любилъ читать. Еще мальчишкой онъ принялся доставать книжки и читать ихъ. Онъ просиживалъ за книжками цѣлые вечера, читалъ и перечитывалъ все, что попадало ему подъ руку. Онъ такъ любилъ книги, что тратилъ деньги всегда на покупку книгъ, а не на гостинцы. И за книги ему сильно попадало. Случалось, его и били.

Въ школѣ Кольцовъ завелъ хорошее знакомство съ нѣкимъ мальчикомъ Варгинымъ. У отца Варгина была библіотека. Изъ этой библіотеки Кольцовъ сталъ брать и читать книги, и читалъ онъ ихъ, какъ говорится, въ засосъ.

Но скоро мальчикъ Варгинъ умеръ, и жизнь снова отрѣзала Кольцова отъ книгъ.

Къ счастью, въ Воронежѣ жилъ одинъ добрый человѣкъ,

по фамиліи Кашкинъ. Онъ торговалъ книгами и давалъ ихъ на прочтеніе. Кольцовъ познакомился съ Кашкинымъ. Тотъ подмѣтилъ, что у мальчика въ душѣ есть Божья искорка и

Кольцовъ даетъ читать букинисту свои первые стихи.

что грѣшно гасить ее. Онъ обласкалъ Кольцова, сталъ давать ему книжки, сталъ показывать, какія лучше, какія хуже.

Въ наше время, такихъ людей, какъ Кашкинъ, много; теперь всякая живая душа, коли хоть немного поищетъ, навѣрно поддержку для себя найдетъ. А въ тѣ времена такіе люди какъ Кашкинъ, были рѣдкостью.

Если-бы не Варгинъ да не Кашкинъ, то Алексѣй Кольцовъ и совсѣмъ-бы ушелъ въ отцовскія дѣла; и вышелъ-бы изъ него заурядный торгашъ, а не знаменитый русскій поэтъ.

Отецъ крѣпко засадилъ Алексѣя за дѣло. Главная торговля шла скотомъ. Прасолы покупали скотъ въ одномъ мѣстѣ, а продавать гнали въ другое. Гонять скотъ приходилось черезъ степь. Этимъ дѣломъ сталъ заниматься со своими работниками и Алексѣй Кольцовъ. Степное раздолье да приволье сильно дѣйствовали на чуткую душу Алексѣя. Въ степи была иная жизнь, хорошая, привольная а не торгашеская. Въ степи видѣлъ передъ собой Алексѣй красоту да ширь, да свободу, а въ городѣ—ложь да обманъ, да погоню за копѣйками.

Отецъ возложилъ на Кольцова много своихъ торговыхъ дѣлъ; то деньги надо получать, то покупать что нибудь. Потомъ сталъ отецъ брать Алексѣя и съ собой въ степь, къ гуртамъ скота. Полюбилъ родную степь Кольцовъ. Лежитъ онъ гдѣ нибудь подъ стогомъ въ степи и пишетъ: «степь раздольная, далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ травой разстилается. Ахъ ты, степь моя, степь привольная, широко ты степь пораскинулась, къ морю Черному понадвинулась!»

Было о чемъ писать въ стихахъ. Кольцовъ хорошо узналъ на своемъ вѣку жизнь крестьянскую. Горе и радости мужицкія онъ близко принималъ къ своему сердцу. Онъ писалъ только то, о чемъ передумалъ, что перечувствовалъ,—писалъ искренне, отъ сердца и безъ прикрасъ. Онъ любилъ тѣхъ людей, о которыхъ писалъ, и другимъ передавалъ и внушалъ свою любовь. Вотъ и спаслась душа живая Алексѣя отъ погибели—спасли ее степь да книги, да хорошіе люди. Посреди степи принялся Кольцовъ стихи сочинять.

Зато, когда онъ пріѣзжалъ домой, ему жутко было: душа особенно сильно чувствовала ложь жизни. Самому нужно было другихъ обманывать, потому что отецъ твердилъ: «не обманешь—не продашь». Житье было не сладкое. Если бы не Кашкинъ, да не книги, совсѣмъ погибъ-бы Кольцовъ. Каш-

кій постоянно подбодрялъ Кольцова, онъ-же подарилъ ему такую книгу, гдѣ объяснены всѣ правила стихотворства. Онъ-же познакомилъ Кольцова съ такими людьми, которые сами любили читать, и даже сочиняли стихи.

Въ тѣ времена въ Воронежѣ уже были такіе кружки людей, которые занимались «чтеніемъ и сочиненіемъ». Люди эти были куда умнѣе и начитаннѣе, чѣмъ Кольцовъ; но онъ все-же показалъ имъ, какая искорка горитъ у него въ душѣ. Онъ лучше ихъ сталъ сочинять стихи. Скоро о немъ заговорили во всемъ городѣ. Даже старикъ отецъ увидѣлъ, что всѣ хвалятъ его сына за стихи, а сынъ его, хоть и занимается стихотворствомъ, но и торговлю ведетъ не худо.

Дѣло пошло было на ладъ, но и тутъ стряслось опять несчастье: Алексѣй влюбился въ красавицу Дуняшу, которая была крѣпостной дѣвушкой у нихъ въ семьѣ. Онъ хотѣлъ было жениться на ней, но отецъ узналъ и не позволилъ,—и даже поскорѣй продалъ дѣвушку въ другія руки. Въ тѣ времена еще можно было продавать людей, какъ звѣрей: кто ихъ купилъ, тотъ ими и владѣлъ: покупали ихъ не только дворяне, а и торговые люди, мѣщане и купцы. Долго и много сокрушался Алексѣй о Дуняшѣ. Онъ даже захворалъ отъ тоски. Это ей онъ и сочинилъ пѣсню: «Обойми, поцѣлуй, приголубь, приласкай»! и «На зарѣ туманной юности всей душой любилъ я милую».

Много утѣшилъ Кольцова въ его горѣ семинаристъ А. П. Серебрянскій, который познакомился съ Кольцовымъ въ какомъ-то кружкѣ.

Серебрянскій былъ очень умный, ученый и чуткій человѣкъ и много помогъ Кольцову: онъ и книги ему давалъ читать, и стихи его разбиралъ и исправлялъ. У Серебрянскаго было много друзей, знакомыхъ и товарищей. Они собирались отъ времени до времени и читали сообща книги, спорили о нихъ, играли на гусляхъ и пѣли народныя пѣсни. Серебрянскій и самъ сочинялъ стихи и пѣсни.

Въ 1830 году Кольцову исполнилось 22 года. Тогда впервые были напечатаны его стихи; тогда же познакомился Кольцовъ съ писателями, которые помогли ему; особенно помогло ему знакомство съ однимъ студентомъ, по фамиліи Станкевичемъ....

Стихи Кольцова стали печататься въ одной московской гезетѣ. Въ 1835 году, Кольцовъ, какъ говорится, совсѣмъ «вышелъ въ люди». Его стихи были напечатаны отдѣльной книжечкой. О книжкѣ этой заговорили. Кольцовъ побывалъ скоро въ Москвѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, познакомился тамъ со знаменитыми писателями: Тургеневымъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ. Особенно онъ подружился съ знаменитымъ критикомъ Бѣлинскимъ. Вернувшись къ себѣ въ Воронежъ, Кольцовъ самъ уже былъ «извѣстнымъ писателемъ». Иные и не понимали, какъ это можно прославиться сочинительствомъ стиховъ; а выходило, что Кольцовъ всетаки прославился. Всѣ такъ и ахнули, когда увидѣли, что онъ гуляетъ и ѣздитъ въ одной коляскѣ съ Жуковскимъ, который проѣздомъ былъ въ Воронежѣ.

Хорошимъ стихамъ не удивлялись, а этому удивлялись...

А въ душѣ Кольцова все же было не ладно. Когда Кольцовъ познакомился съ умными и образованными людьми, онъ ясно увидѣлъ, какъ мало знаній у него самого. Онъ сталъ читать больше научныхъ книгъ, сталъ учиться по нимъ. Кольцовъ понялъ, что ему недостаетъ очень многаго.

Тяготила его и прасольская жизнь, и торгашество. Хотѣлось ему уйти куда нибудь. А отецъ былъ очень доволенъ своимъ сыномъ: Алексѣй торговалъ хорошо. Семья Кольцовыхъ богатѣла. У Алексѣя завелось много хорошихъ книгъ, онъ много читалъ ихъ. По виду все какъ будто бы было хорошо, а на душѣ у поэта было тяжело-тяжело. Онъ писалъ въ это время въ одномъ своемъ письмѣ: «Въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже. Скучно, грустно, бездомно въ немъ. Непріятностей—куча. Что ни день—то горе, что ни шагъ—то напасть». «Хочется сбросить всю грязь, жить такъ, какъ живется, нѣтъ уже силы». «Здѣсь, кругомъ меня, другой народъ. Судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, брань и расчеты, брань и ссоры. И для чего пишу? Здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія».

«Соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла; волной въ непогоду радость прошумѣла»,—пѣлъ тогда Кольцовъ.

Въ это время постигло Кольцова большое горе. Его другъ, Серебрянскій, захворалъ чахоткой. Онъ не вынесъ тяжелой студенческой жизни въ Москвѣ. Доктора велѣли ему уѣхать

изъ Москвы, а денегъ не было. Кольцовъ далъ Серебрянскому денегъ и устроилъ его въ одной слободѣ. Тамъ Серебрянскій и умеръ.

Сильно горевалъ Кольцовъ о своемъ другѣ. «Серебрянскій умеръ»! писалъ Кольцовъ. «Я лишился человѣка, котораго столько лѣтъ любилъ всей душой. Много желаній не сбылось, много надеждъ не исполнилось! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, скрылся навсегда.... Вмѣстѣ мы росли, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ думали, спорили. Я такъ много былъ ему обязанъ!».

Съ отцемъ вышелъ у него разладъ, съ семьей—тоже; дѣла разстроились. Старикъ-отецъ рѣшилъ всѣ торговыя дѣла бросить, собралъ кое-какіе долги съ должниковъ, и купилъ себѣ большой доходный домъ въ Воронежѣ, на хорошей улицѣ. И старику, и всей семьѣ, и Алексѣю, жить было чѣмъ. Но разладъ съ отцемъ дѣлался больше, да больше. Старикъ-отецъ все добивался того, чтобы женить Алексѣя на какой нибудь богатой купеческой дочкѣ. А Алексѣй и слушать не хотѣлъ о женитьбѣ. Не спросивъ у сына согласія, отецъ сталъ было сватать его къ какой то богачихѣ. Дѣло не пошло. Старикъ подумалъ, что оно разстроилось по винѣ Алексѣя и совсѣмъ разсорился съ нимъ. А въ это время обрушилась на нихъ бѣда, и на этотъ разъ непоправимая: Кольцовъ былъ не женатъ, сердце же у него было влюбчивое; влюбился онъ въ одну воронежскую красавицу, захворалъ. Болѣзнь перешла въ чахотку, и отъ чахотки онъ и умеръ.

Смерть его была очень тяжелая и мучительная. Онъ умиралъ вдали отъ друзей и родныхъ душъ. Злая судьбина свела его въ могилу раньше времени. Пѣсни такъ и остались недопѣтыми.

Умирая, Кольцовъ говорилъ: «боленъ я! Жизнь моя туманная, доля безталанная... Какъ другіе счастливы! Тѣ учились, а мнѣ Богъ не судилъ... Такъ и умру, неученый».

А когда поэтъ умеръ, старикъ-отецъ сказалъ про него:—«разумная голова былъ мой Алексѣй, да Богъ не далъ ему пожить на свѣтѣ: книжки его сгубили и свели въ могилу». Изъ этихъ словъ старика видно, что онъ такъ и не понималъ своего сына до самой его смерти. Не понималъ старикъ его души,

стремленій, способностей. Не понималъ старикъ, что онъ долженъ былъ бы весь свой вѣкъ беречь Алексѣя, а не пилить и бранить его. Непріятности съ отцемъ сильно ускорили смерть поэта.

Умеръ Кольцовъ, умеръ еще молодымъ человѣкомъ, а пѣсни его остались,—осталась его душа, вложенная въ пѣсни. И сдѣлали эти пѣсни великое дѣло. Разошлись онѣ въ народѣ. Стали ихъ пѣть и читать и богатые и бѣдные, и крестьяне и господа. Въ эти пѣсни Кольцовъ вложилъ то, что самъ думалъ, чувствовалъ, видѣлъ, испыталъ. А онъ видѣлъ природу *русскую*, степь привольную, видѣлъ житье крестьянское, тяжелое, горемычное, чувствовалъ онъ горе мужицкое, зналъ и радости деревенскія. Вникалъ Кольцовъ въ душу простую, человѣческую, и нашелъ въ этой простой, деревенской душѣ много, много хорошаго. И любилъ онъ эту душу, и людей, народъ любилъ и училъ своими пѣснями любить и цѣнить его. А въ тѣ времена плохо цѣнили деревенскихъ людей. Тогда времена были тяжелыя, крестьяне были крѣпостными, многимъ жилось очень тяжело: дѣлали съ ними что хотѣли, и смотрѣли на нихъ не какъ на людей, такихъ же, какъ всѣ, а какъ на какую то низшую породу. Крестьянъ не знали и мало цѣнили. Вотъ Кольцовъ и училъ своими пѣснями цѣнить и любить ихъ. Училъ онъ простыми словами, зато словами задушевными—пѣсни его хватаютъ за душу. Кто ихъ пѣлъ, тотъ и чувствовалъ, что Кольцовъ—русскій человѣкъ, и по мѣрѣ силъ служитъ всему народу русскому: чувствовалъ, что Кольцовъ знаетъ деревню и деревенскихъ людей и служитъ по мѣрѣ силъ деревнѣ и деревенскимъ людямъ. Не игрушка и не забава праздная его пѣсни, а дѣло, настоящее дѣло, такое дѣло, которое во что бы то ни стало нужно сдѣлать, чтобы лучше жилось народу на Руси.

Еще пѣлъ Кольцовъ о своемъ горѣ, о своей радости. И у него въ жизни было не мало горя, но были и радости. Были и думы свои, были и чувства, и стремленія.

Кольцовъ изливалъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ. Но вотъ что замѣчательно: пѣлъ онъ пѣсни о себѣ самомъ, а пѣсни эти проникали въ душу многихъ людей. Почему такъ было? Да потому, что у многихъ, многихъ людей есть въ жизни то-

же горе и радости, думы и стремленія такія же, какъ и у Кольцова. Пѣлъ Кольцовъ о томъ, что его жизнь держитъ, развернуться не даетъ. И многихъ она держитъ. Пѣлъ Кольцовъ о томъ, что душа его просится въ даль, и въ высь, на просторъ и волю.

И многіе люди испытываютъ тоже.

Грустилъ Кольцовъ о томъ, что жизнь его прошла безплодно, не весь высказался во время его жизни тотъ огонекъ, какой былъ у него въ душѣ.

И со многими людьми бываетъ тоже.

И пѣсни Кольцова, пѣсни чисто русскія, съ душою русскою, стали пѣснями народными.*)

*) Книжка пѣсенъ Кольцова продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и стоитъ 10—20 коп. а то и дешевле.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Чему научила эта книжка.

Въ этой книжкѣ разсказано было о знаменитыхъ русскихъ людяхъ разнаго званія и состояній. Разсказано о казакѣ Дежневѣ, о купцахъ Демидовыхъ, объ астрономѣ-мѣщанинѣ Семеновѣ, о механикѣ мѣщанинѣ Кулибинѣ, о купеческомъ сынѣ Волковѣ, о прасолѣ Кольцовѣ. Всѣ эти люди —знаменитые люди русской земли. Всѣ они отличились, выдѣлились, возвысились надъ толпой, всѣ прославились разными способами—кто своей силой и храбростью, кто настойчивостью и ловкостью, кто умомъ, талантомъ и сочиненіями, кто научными работами, кто искусствомъ и смекалкою, кто своими театральными представленіями, кто пѣснями.

Разсказано въ этой книжкѣ, какъ они работали на своемъ вѣку, какъ бились, какъ страдали, какъ добивались своего. У всѣхъ этихъ людей была *сильная воля*, были сильныя желанія. «Чего жаждетъ душа моя—того и добьюсь,» говорили эти люди. И правда, они бились—и добились, стремились—и достигли.

Сильныя желанія—прежде всего. Безъ нихъ каждое дѣло будетъ дѣлаться кое какъ. Образованіе и знанія чаще всего стоятъ на службѣ у сильныхъ желаній, а не обратно.

Но желанія желаніямъ рознь. Мало ли чего человѣкъ желаетъ! Мало ли чего человѣкъ хочетъ: Семенъ Дежневъ сильно желалъ воевать и ясакъ добывать, Акинфій Демидовъ сильно желалъ наживы и богатства, силы и власти. Совсѣмъ другія желанія были у Волкова, Семенова, Кулибина, Кольцова.

Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, сильныя желанія какого нибудь человѣка, нужно мѣрку для оцѣнки знать. Есть такія мѣрки для оцѣнки: первая мѣрка—умъ; вторая мѣрка—совѣсть, третья мѣрка—польза общая. Бываетъ иногда такъ, что многія сильныя желанія не умны, иныя—безсовѣстны, иныя

идутъ противъ пользы общества. Тѣ сильныя желанія и справедливы, и законны, и полезны, и нужны, съ которыми согласенъ и умъ, и совѣсть человѣка, и которыя направлены на пользу общую.

Не мало и теперь такихъ людей на Руси, у кого «силушка по жилушкамъ живчикомъ переливается». Такіе люди и были, и есть, и будутъ. Гораздо меньше такихъ людей, которые отдали свою силушку на дѣло хорошее, на пользу общую.

Не мало и умныхъ людей на Руси,—есть люди очень умные. Гораздо меньше такихъ, которые отдали свой умъ на дѣло хорошее, на пользу общую.

Много есть людей и такихъ, у которыхъ воля твердая, настойчивая, характеръ крѣпкій. А на что идетъ эта воля у многихъ людей, какъ она затрачивается? Много ли такихъ людей, которые все отдаютъ, себя не жалѣя, на пользу общую?

Почему же иные не отдаютъ? Одни не отдаютъ потому, что нѣтъ у нихъ любви христіанской, нѣтъ пониманія горя чужого и страданій чужихъ.

Другіе не отдаютъ потому, что нѣтъ въ нихъ пониманія настоящаго, пониманія того, что творится вокругъ. Третьи не отдаютъ потому, что сами желаютъ пожить хорошенько, о другихъ не думая,—не отдаютъ потому, что имъ невыгодно отдавать. Инымъ мѣшаетъ темнота, инымъ корысть. А много и такихъ, кого окружающая жизнь засасываетъ.

Чуть было не засосала жизнь и Кольцова, и Кулибина, и Семенова. Каждый день, каждый часъ она кого нибудь, гдѣ нибудь да засасываетъ.

Страшно даже объ этомъ подумать. Вотъ въ эту самую минуту, когда вы читаете эту книжку, кто нибудь, гдѣ нибудь да навѣрно гибнетъ, чужой помощи не имѣя, и кого просить о ней не зная.

Что же нужно дѣлать, чтобы этого не было?

Нужно любить всѣхъ людей, нужно по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, работать для правильнаго и справедливаго устройства жизни.

